

НАРВСКИЙ КОЛЛЕДЖ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕКТОРАТ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Анна Тягунова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ И ЭСТОНСКОЙ
КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ И
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)**

Магистерская работа

Научный руководитель: лектор русского языка и литературы Е. Дерябина(PhD)

НАРВА 2017

Kinnitus

Mina, Anna Tjagunova, kinnitan, et olen ise kirjutanud selle magistritöö teemal:
«Loomade ettekujutus eesti ja vene kultuuris (loomamuinasjuttude ja
fraseologismide materjalide alusel)».

Anna Tjagunova

12.06.2017

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Anna Tjagunova (sünnikuupäev: 16.02.1987),

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose «Loomade ettekujutus eesti ja vene kultuuris (loomamuinasjuttude ja fraseologismide materjalide alusel)», mille juhendaja on Elena Deryabina,

1.1. reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2. üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Narvas, 12.06.2017. a.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
0.1. Обоснование выбора темы.....	6
0.2. Цель и задачи исследования.....	8
0.3. Методы.....	9
0.4. Структура работы.....	9
Глава 1. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	10
1.1. Определение понятия «сказка» и «сказка о животных».....	10
1.1.1. Сказка.....	10
1.1.2. Сказки о животных.....	11
1.2. Художественные особенности сказок о животных.....	14
1.3. «Бродячие» сказочные сюжеты.....	17
1.4. Обзор исследовательской традиции.....	20
1.4.1. Изучение русских сказок о животных.....	20
1.4.2. Изучение эстонских сказок о животных.....	24
1.5. Мифологические корни сказок о животных.....	26
1.5.1. Понятие «миф».....	26
1.5.2. Животные в русской мифологии.....	29
1.5.3. Животные в эстонской мифологии.....	34
Глава 2. АНТРОПОМОРФНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РУССКИХ И ЭСТОНСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ И ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ (ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ)	42
2.1. Русские сказки о животных: основные животные и их антропоморфные характеристики.....	42
2.1.1. Дикие животные и птицы.....	42
2.1.2. Домашние животные и птицы.....	47
2.1.3. Насекомые, ракообразные и земноводные.....	50
2.1.4. Человек.....	50
2.2. Эстонские сказки о животных: основные животные и их антропоморфные характеристики.....	50
2.2.1. Дикие животные и птицы.....	51
2.2.2. Домашние животные и птицы.....	55

2.2.3. <i>Насекомые, земноводные, ракообразные, пресмыкающиеся</i>	57
2.2.4. <i>Лесной Отец, Лесная Мать</i>	58
2.2.5. <i>Человек</i>	59
2.4. Выводы	59
2.5. Общие сюжеты русских и эстонских сказок о животных: сопоставительный анализ	62
2.5.1. <i>Сопоставительный анализ эстонской сказки "Зимние квартиры волка и зайца" и русской сказки "Лиса, заяц и петух"</i>	62
2.6. Закрепление антропоморфных характеристик животных в языке (на основе фразеологизмов).....	64
2.6.1. <i>Образы животных в русских фразеологизмах</i>	66
2.6.2. <i>Образы животных в эстонских фразеологизмах</i>	70
2.7. Выводы	74
Глава 3. СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ	76
3.1. Цели и задачи исследования.....	76
3.2. Описание хода исследования	76
3.3. Выводы	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
RESÜMEE	89
ЛИТЕРАТУРА	91
ПРИЛОЖЕНИЯ	96
Приложение 1. Частота появления персонажа в русских сказках	96
Приложение 2. Частота появления персонажа в эстонских сказках	97
Приложение 3. Список русских сказок о животных	98
Приложение 4. Список эстонских сказок о животных	100
Приложение 5. Анкета	102
Приложение 6. Результаты анкетирования. Русские сказки о животных.....	104
Приложение 7. Результаты анкетирования. Эстонские сказки о животных	108

ВВЕДЕНИЕ

0.1. Обоснование выбора темы.

Человек издавна ассоциировал себя с различными животными: переносил качества животных на себя и наделял человеческими качествами животных. Наблюдение за поведением животных, страх перед ними, обожествление и поклонение – неотъемлемые черты воззрений древнего человека на животный мир. Подобные взгляды находят свое отражение, как в мифологических сюжетах, так и в самых разнообразных фольклорных жанрах народов мира: лирических песнях, народных сказках, поговорках, пословицах, загадках и др.

Наделение антропоморфными характеристиками животных в сказках и широкое распространение зооморфных образов в языке – две стороны одного явления, отражающие интерес человека к животному миру, а также обладающие национально-культурной семантикой.

Сказка – один из древнейших жанров устного народного творчества. Сказочные сюжеты передавались от поколения к поколению, постепенно накапливали духовный опыт народа, его культурные традиции и обычаи. Сказка обладает национальными особенностями, которые отражают уклад жизни того или иного народа, трудовую и бытовую культуру, природные условия, обряды и традиции, национальное мировоззрение. В то же время довольно часто схожие сюжеты можно встретить в фольклоре совершенно разных народов. Тема «родственных связей» между сюжетами сказок вызывала интерес у многих исследователей – таких, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, В. П. Аникин, П. Киппар, С. Ю. Неклюдов, Е. А. Костюхин и др.

Благодаря географической близости русский и эстонский сказочный фольклор испытывал взаимовлияние. Один и тот же сюжет может встречаться во многих русских и эстонских сказках о животных: к примеру, сюжет о том, как зайца выгоняют из дома (русская сказка «Лиса, заяц и петух» и эстонская сказка «Зимние квартиры волка и зайца»), сюжет о лисе, обманывающей волка и медведя (эстонская сказка «Лиса, волк и медведь» и русская сказка «Лиса - повитуха») и др.

Наша работа посвящена изучению антропоморфных характеристик персонажей в русских и эстонских народных сказках о животных, а также закреплению

животных образов с антропоморфными характеристиками на уровне языка (во фразеологизмах).

Актуальность данной работы продиктована активными межкультурными контактами в эстонском обществе. В современном мультикультурном социуме для продуктивного культурного взаимодействия необходимо понимание особенностей народа, отличного от своего.

Двуязычная среда города Нарвы предполагает особый подход в обучении. При выборе темы мы исходили из практических задач, стоящих перед учителем современной школы. Такие основополагающие принципы образовательной среды, как толерантность и уважение к различным культурам, предполагают формирование и развитие следующих компетенций учителя: умение ориентироваться в сказочных сюжетах разных народов, умение сопоставлять похожие сюжеты, выявлять их мифологические истоки, проводить сопоставительный анализ, раскрывать национальные особенности персонажей, привлекать к подобному анализу доступный языковой материал.

Такие знания позволят строить уроки по знакомству с сюжетами и персонажами русских и эстонских сказок о животных не только на сопоставлении и выявлении их художественной специфики, но также использовать при подобной работе самый широкий контекст (мифологический, культурологический, лингвистический, и т.д.).

Общеизвестно, что сказка широко используется как в педагогике, так и в повседневной жизни. Ребенок знакомится со сказкой уже в дошкольном возрасте. Более детальное и глубокое изучение продолжается в школе: изучаются различные виды сказок, в том числе и сказки о животных.

Русскоязычным школьникам Эстонии в учебниках предлагаются для чтения и анализа как русские, так и эстонские сказки (Г. Добролюбская, Л. Фёдорова, И. Логина, С. Минакова, Е. Моисеева, В. Горецкий, А. Матсина, Н. Пароль), поэтому учителю необходимо хорошо ориентироваться в их особенностях: в системе персонажей, языке, сюжетной специфике, основных композиционных приёмах.

Мы рассмотрели несколько эстонских сборников сказок (Ф.Р. Крейцвальд «Старинные эстонские народные сказки», Э. Сяргава «Старинные сказки о

кумушке лисе», А. Якобсон «Сказки») и русских сборников сказок о животных (А.Н. Толстой «Сказки», А. Н. Афанасьев «Народные русские сказки. Полное издание в одном томе»). Свои выбор мы остановили на сборниках эстонских сказок о животных А. Якобсона «Сказки» и русских народных сказок А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки. Полное издание в одном томе».

Сборники Ф.Р. Крейцвальда и Э. Сяргавы для нашего исследования не подходят, так как эти сказки являются авторскими, хотя и написанными в «духе» народных. В сборнике Ф. Р. Крейцвальда отсутствуют сказки о животных.

Выбор собрания сказок А.Н. Афанасьева обусловлен их полнотой и доступностью для широкого круга читателей.

Данное исследование имеет большое значение с практической и теоретической точки зрения. Система персонажей русских и эстонских сказок о животных впервые сравнивается столь широко, включает в себя исследование, как фольклорных текстов, так и экспериментальное исследование.

0.2. Цель и задачи исследования.

Цель работы: выявить, описать и сопоставить антропоморфные характеристики системы персонажей эстонских и русских народных сказках о животных, проследить мифологические истоки этих характеристик, а также их закрепление в языке (фразеологизмы).

Задачи:

- дать краткий очерк исследовательских традиций русских и эстонских сказок о животных;
- выявить на основе научной литературы мифологическую основу сказочных животных образов;
- выявить и дать краткий очерк антропоморфных черт персонажей русских и эстонских сказок о животных;
- проанализировать закрепление антропоморфных характеристик в языке (на материале фразеологизмов);

- методом анкетирования учащихся нарвских школ выяснить, какие антропоморфные и зооморфные характеристики являются наиболее актуальными для современных школьников.

0.3. Методы.

Методами исследования являются: литературоведческий анализ, синтез, анкетирование, статистические методы (сбор первичной информации, обработка и анализ статистической информации)

0.4. Структура работы.

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении дается краткий обзор работы. В первой главе представлена теоретическая часть работы на основе анализа исследовательской литературы. Мы рассмотрели вопросы художественных и национальных признаков сказок о животных, сделали обзор исследовательской традиции, сопоставили и описали мифологические истоки русских и эстонских сказок о животных.

Во второй главе дается обзор системы персонажей в русских и эстонских сказках о животных с анализом основных характеров и сюжетов. Дан сопоставительный анализ антропоморфных образов, закрепленных в языке (на основе русских и эстонских фразеологизмов).

В третьей главе дано описание и выводы проведенного анкетирования, целью которого было проследить, какие представления о животных, выявленные в результате анализа сказочного и фразеологического материала, являются актуальными для современных школьников.

В заключении подводятся итоги данной работы. В приложении представлены диаграммы, иллюстрирующие частоту появления персонажей в русских и эстонских сказках, общие списки исследованных сказок, а также результаты анкетирования в таблице.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1.1. Определение понятия «сказка» и «сказка о животных»

1.1.1. Сказка

Сказка – вид устного народного творчества, один из древнейших способов передачи жизненной мудрости от поколения к поколению. В сказках отражаются накопленные веками представления человека о добре и зле, фиксируются традиции, моральные принципы целого народа. Несмотря на то, что сказка является одним из любимых и популярных жанров в фольклоре и литературе народов мира, единого общепризнанного определения и классификации сказок по типам не существует.

В. Я. Пропп называл сказку нарочитой поэтической фикцией, которая никогда не выдается за действительность (*Пропп 1998: 76*).

Известный фольклорист и этнограф Э. В. Померанцева считала, что сказка – это «продукт коллективного творчества», и одновременно с этим текст каждой сказки «является результатом индивидуального творчества рассказчика, создавшего данный конкретный вариант» (*Померанцева 1985: 10*).

Поддерживая мысль о коллективном творчестве, В. П. Аникин считал сказку «устным прозаическим повествованием, созданным коллективно и сохраняемым в народе с таким реальным содержанием, которое по необходимости требует использования приемов неправдоподобного изображения реальности» (*Аникин 1977: 195*).

Т.В. Зуева определяла сказку как «явление видовое, объединяющее несколько жанров» (*Зуева и др. 1998: 134*).

Фольклорист А. И. Никифоров писал о сказке: «сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» (*Никифоров 2008: 21*).

Исследователи сходились во мнении, что одним из основных признаков, характерным для всех видов сказки, является установка на вымысел, фантастичность.

Литературоведческие словари определяют сказку как «вид устных повествований с фантастическим вымыслом, содержание и формы которого первоначально были связаны с мифами и, художественно преобразованные, стали частью фольклорной прозы» (Новиков 1998: 304); «вид фольклорной прозы, известный у всех народов» (Николюкин 2003: 990).

Несмотря на несовпадение с действительностью, сказка не утрачивает связи с ней, что «определяет идейное содержание сказки, характер её сюжетов, образов, деталей повествования, её язык» (Померанцева 1985:7).

А. И. Никифоров выделил такие признаки сказки: «первый признак – установка на развлечение слушателей, второй признак современной сказки – необычное в бытовом смысле содержание. Наконец, третий важный признак сказки – особая форма ее построения» (Никифоров 2008: 21-22).

В привычном значении для современного человека наименование «сказка» появилось лишь со второй половины XVIII века (Толковый 2007: 333). В Древней Руси сказки не «сказывали», а «баяли». Их так и называли: «баснь», или «байка» – от глагола «баять» (Зуева и др. 1998: 139).

1.1.2. Сказки о животных

По мнению В.П. Аникина, сказки о животных «существенно отличаются от других видов сказочного жанра» (Аникин 1977: 40). Исследователь считал сказки о животных народной бытовой энциклопедией, «которая как бы собрала вместе все пороки тех людей, чья жизнь, быт, нравы и привычки были чужды человеку труда» (Аникин 1977: 70).

Е. А. Костюхин писал о животной сказке как о самом условном жанре народного творчества. Автор видел ее условность в том, что «животные не представляют в сказках лишь самих себя, за ними угадываются не звериные, а иные, людские отношения» (Костюхин 1987: 78). По мысли исследователя, результатом такой условности становится юмор и комизм, наполняющий сказки о животных (Костюхин 1987: 78).

В современном понимании «сказки о животных (или животный эпос) выделяются по тому основному признаку, что их главные герои — животные» (Зуева и др. 1998: 142).

Формирование и становление сказки о животных в привычном для нас понимании происходило постепенно. Фольклорист Е. С. Котляр выделяла три стадии развития «животной» сказки:

1. Архаическая животная сказка, близкая к мифологическому повествованию (вера в миф в этом периоде развития еще не утрачена).
2. Классическая животная сказка, представленная циклами сказочных сюжетов, объединенных общим героем.
3. Басня как одна из фаз трансформации животной сказки.

Исследовательница пишет о том, что в сказке ярко выражен моральный аспект, который со временем вытеснил объяснительное начало сказки (Котляр 1972: 411-412).

Согласно общепризнанному «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне» в переводе Н. П. Андреева, сказки делятся на несколько категорий:

- 1) животные сказки;
- 2) собственно, сказки:
 - А) волшебные сказки;
 - В) легендарные сказки;
 - С) новеллистические;
 - Д) сказки о глупом чёрте;
- 3) анекдоты (Аарне 1929: 7).

Сказки о животных, в свою очередь, также можно разделить на несколько групп. Исследователь Аарне делил сказки о животных на категории, в зависимости от действующих персонажей:

1. Дикие животные
2. Другие дикие животные
3. Дикие и домашние животные
4. Человек и дикие животные
5. Домашние животные
6. Птицы, рыбы и пр. (Аарне 1929: 15-26).

Животные сказки, или сказки о животных присутствуют в фольклоре практически всех народов мира. Следует подчеркнуть, что в русских и эстонских народных сказках сказки о животных занимают значительную часть народного творчества.

Сказки о животных вышли из преданий и рассказов о животных животного эпоса. «Сказки о животных действительно восприняли формы вымысла из представлений и понятий первобытных людей, приписавших животным способность думать, говорить и разумно действовать» (Аникин 1977: 41).

Сказки были связаны с типичными занятиями древних людей: охотой, земледелием, скотоводством. Это не были сказки в привычном для нас понимании, а скорее мифы или былички. Предположительно в основу сказок о животных легли рассказы, в которых человек тонко подмечал особенности и повадки животного. Такие рассказы имели мифический характер и магическое значение, связанное с тотемным зверем. (Померанцева 1963: 74).

«То, что сказам о животных исторически предшествовали предания и рассказы о животных, привело к верному и точному воспроизведению в них некоторых существенных повадок зверей даже после того, как действия животных стали восприниматься как людские действия» (Аникин 1977: 73).

Со временем сказки о животных теряют свой магический и мифологический характер и все больше ориентируются на детскую аудиторию. В связи с этим они упрощаются и приобретают назидательный характер: при помощи сказок стали осуждаться и высмеиваться отрицательные человеческие качества – лживость, грубость, лицемерие и другие; четко разграничились положительные и отрицательные персонажи.

С отмиранием тотемизма как религии мир животных в сказках стал восприниматься как иносказательное изображение человеческого общества с классовыми отношениями, моральными установками, обычаями, налаженным бытом. Антропоморфизм привел к совмещению в образе животного качеств человека и животного, типизации характеров животных. Таким образом, в сказках о животных возникли устойчивые характеры персонажей: лиса в них стала воплощать хитрость, волк – глупость и доверчивость, заяц – трусость. Устойчивость образа животного закрепились в эпитетах, которыми именуются персонажи в сказках: заюшка - побегаюшка, волчище - серое хвостыще, комар-

пискун и т.д. Аникин считал важнейшим свойством сказок социальную иносказательность. Сказки осуждают человеческие пороки, персонажи сказок «воплощают в себе черты и свойства определенного человеческого типа», которые были не популярны в народе (*Аникин 1977: 64*). Поведение и повадки реальных зверей и птиц переосмысливаются в человеческие действия и характеры (*Аникин 1977: 74*).

Первоначально в сказках о животных основными действующими персонажами являлись только звери. В первую очередь это были дикие звери (обитатели лесов, полей, степей: лиса, медведь, волк, заяц и др.), затем добавились сюжеты о домашних животных (собака, кошка, свинья и др.). Также в сказках о животных встречаются птицы, насекомые и рыбы. С течением времени в сюжете появилось новое действующее лицо – человек.

1.2. Художественные особенности сказок о животных

Происхождение сказок от мифологических рассказов, а также ориентированность на детского читателя оказали влияние на их содержание и стиль (*Померанцева 1963: 82*). «Педагогической направленности сказок о животных соответствуют и другие их особенности. Игровое исполнение сочеталось с ясной, дидактически обнаженной идеей сюжета, художественной простотой формы» (*Зуева и др. 1998: 145*).

Постепенно образы персонажей адаптировались для детского восприятия, композиция упростилась за счет повторяемости центрального эпизода, способствующей пониманию и запоминанию сказок детьми (*Аникин 1977: 84*). Сказки, где один и тот же сюжет повторяется несколько раз, называются кумулятивными.

Композиционно сказки о животных довольно просты и лаконичны. Одномотивные сказки встречаются редко («Волк и свинья»). Сказки со сложным сюжетом могут включать в себя несколько мотивов. Подчиняясь общей идее сюжета, мотив выстраивается в определенном порядке. Как правило, в сказке присутствует один центральный мотив, характеризующий сюжет в полной мере (*Зуева и др. 1998: 146*). В большинстве случаев центральным мотивом становится встреча животных (*Померанцева 1963: 80*).

В связи с тем, что сказки о животных возникли в разные периоды времени, образы животного мира несут в себе различные черты. Например, в сказке о медведе на липовой ноге сохранились тотемические воззрения, а в сказке о Коте-бургомистре присутствуют черты классовых отношений (*Померанцева 1963: 77*).

Образы многих сказочных историй о зверях и птицах легко обращаются в пословицы и поговорки. Так, жадный волк перешел из сказок в пословицу «Не клади волку пальца в рот» и поговорку «Волка в пастухи поставили» (о глупцах, неосторожно распорядившихся своим или чужим добром) (*Новиков 1998: 304-305*).

«В сказках о животных сюжеты часто контаминируют друг с другом, используются элементы других форм, вводятся пословицы, поговорки» (*Катица 2011: 133*).

Важное композиционное значение в сказке о животных имеют диалоги и монологи, разговорный оттенок речи. Некоторые сказки могут целиком состоять из диалогов («Лиса и тетерев»). Диалог в сказке может быть преподнесен в речитативной или песенной форме («Коза и семеро козлят»). Зачастую в повествование включаются не только пословицы и поговорки, но и песенки, ритмизованные вставки.

Еще одна особенность – наполненность сказок о животных бытовыми подробностями. Животные живут бытом крестьян: в сказках находят отражение такие обряды и традиции, как сватовство, крестины, ежедневные поиски пищи, соперничество, обман и т.п. (*Аникин 1977: 73-74*).

1.2.1. Национальный колорит в народных сказках о животных

Сказки разных народов отличаются своими национальными особенностями, но вместе с тем несут интернациональное начало. Сказки народов, даже не состоящих в близком родстве, могут быть удивительно схожи.

Различия в сказочном повествовании могут быть обусловлены национальными особенностями, отражающими образ жизни того или иного народа, природными условиями, в которых проживают люди.

Как любой жанр фольклора, сказка хранит черты индивидуального творчества, а вместе с тем является результатом коллективного творчества народа, пронесшего сказку сквозь века. В сказках народов мира отражаются общие темы, сюжеты, образы, стилистические, композиционные приемы.

В своей книге «Русские народные сказки» В.П. Аникин пишет, что, несмотря на схожесть сказочных сюжетов, у каждого народа основы фольклорного творчества складывались по-разному: «История предоставила каждому народу разные условия развития – и результат не замедлил сказаться в фольклоре: в его стиле, языке, в воспроизводимых бытовых привычках людей, в устойчивых чертах психического их склада» (Аникин 1977: 72).

Мы полагаем, что персонажи сказок о животных особенно ярко отражают национальный колорит и черты национального характера отдельно взятого народа, его бытовую культуру, традиции, особенности языка той местности, где записывалась сказка.

Одной из самых характерных черт русских сказок Аникин называет особый психологический рисунок повествования: тонкую иронию, просторечия, утешение в конце сюжета, а также традиционные приветствия и обращения («хлеб-соль», «миленький куманек»), особый интонационный строй речи героев и эмоциональную окраску высказываний (Аникин 1977: 71).

В русских сказках возникает характерная бытовая обстановка: «русские морозы и снега, избы, сани, русские обычаи сватанья, повоя, оплакивание покойного» (Померанцева 1963: 77).

Эстонские сказки содержат общие черты с объяснительными преданиями. «В сказках о животных получило отражение не одно поверье, связанное с животными» (Аннист и др. 1980: 236).

Как и в русские сказки, в эстонские сказки о животных включены стихотворные вставки. Еще одной национальной особенностью эстонских сказок является речь персонажей. «Иногда речь сказочных персонажей – животных или птиц – облекается в форму подражаний издаваемым ими звукам, т.е. здесь имитируются голоса природы» (Аннист и др. 1980: 236).

Упомянув о национальном своеобразии сказки, Э.Б. Померанцева писала: «сказки каждого народа полны национального своеобразия, в них запечатлена

жизнь той среды, в которой они бытуют, местные природные условия, история того народа, который их создал и пронес сквозь века. Иначе и не может быть, так как сказки каждого народа, прежде всего, конкретно отражают действительность, на основе которой они возникли или бытовали» (Померанцева 1985: 15).

1.3. «Бродячие» сказочные сюжеты.

Несмотря на различия, сказки народов мира зачастую имеют схожие сюжеты и героев. Вопросы о схожести сюжетов в фольклоре разных народов интересовал целый ряд исследователей: А.Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, С. Ю. Неклюдова, Е. А. Костюхина и др.

Похожие сюжеты в фольклоре разных народов называют «бродячими сюжетами». «Бродячие сюжеты – понятие сравнительно-исторического литературоведения и фольклористики, объясняющее сходство фольклорных сюжетов разных народов результатом их культурно-исторического взаимодействия» (Николюкин 2003: 99).

Теория «бродячих» сюжетов и миграционная школа возникли как противопоставление теории мифологической школы, в которой миф считали основой всех фольклорных произведений (Николюкин 2003: 99).

Миграционная школа появилась во второй половине XIX века. Школа объясняла сходство сюжетов в фольклоре разных народов культурным взаимовлиянием и заимствованием, её представители занимались исследованиями «путей миграции и исторического развития сюжетов, мотивов, образов в произведениях всемирной литературы и фольклора» (Николюкин 2003: 542). Принято считать, что движение зародилось в Германии, в России развитие школы шло самостоятельным путем. Одним из известных русских последователей миграционной школы был А. Н. Веселовский. Некоторые ученые (В.В. Стасов, Ф.И. Миллер, П.А. Бессонов, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский) считали, что в теории миграционной школы есть недочеты, а именно обхождение вниманием национального и конкретного исторического контекста развития тех или иных сюжетов (Николюкин 2003: 542).

Именно в этом направлении А. Н. Веселовский разработал свою теорию, согласно которой причиной заимствования является «типологический универсализм мирового культурного развития» (Николюкин 2003: 542).

В известной работе «Поэтика сюжета» ученый писал, что сюжетные формы – это постоянные величины, которые были созданы в доисторические времена. Сюжетные формы не меняются и могут переходить из поколения в поколение, мигрируя между народами (Николюкин 2003: 542). А. Н. Веселовский под сюжетом описывал общность нескольких мотивов. Основным признаком мотива – «образный одночленный схематизм» (Веселовский 1989: 301). По мнению автора, похожие сказочные мотивы в фольклоре разных народов могут появляться самопроизвольно, в отличие от мигрирующих и заимствованных более сложных сюжетов. Однотипность мотивов, или «их сходство нельзя объяснить заимствованием, а однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов» (Веселовский 1989: 301).

А. Н. Веселовский выработал идею о «встречных течениях». Иными словами, заимствование сюжета происходит тогда, когда у разных народов сходная «основа» т.е. социально-исторические условия развития (Николюкин 2003: 542).

В своей работе Веселовский использовал метод сравнительного анализа, применяемый в мифологической школе. Впоследствии А.Н. Веселовский ушел из мифологической школы в миграционную школу, что не помешало ему использовать метод сравнительного анализа мифологической школы (Николюкин 2003: 99). Однако этот метод показался ученому недостаточно полезным. Методу сравнительного анализа ученый противопоставил свой метод, при котором «требовалось объяснить жизненное явление прежде всего из того реального времени, в котором данное явление существует» (Николюкин 2003: 543).

А. Н. Веселовский высказывал свое мнение о том, что миграционная теория и теория самозарождения сюжетов могут быть совместимы (Николюкин 2003: 99). Согласно теории самозарождающихся сюжетов, они имеют сходство, исходя из «единства человеческой психики и общих закономерностей эволюции культуры» (Литературный 1987: 369).

В. М. Жирмунский также поддерживал теорию совместимости обеих направлений. В своей работе «К вопросу о странствующих сюжетах» автор объяснял распространение сказок от одного народа к другому их заимствованием «с учетом конкретных условий исторического развития

народов и культурного взаимодействия между ними» (*Жирмунский 1979: 227*). Автор отмечал, что сказка переходит от одного народа к другому благодаря своему занимательному содержанию, отсутствию указания на определенные географические места или указания на национально-исторические особенности, а также благодаря своей творческой форме, облегчающей пересказ (*Жирмунский 1979: 228*). Однако автор признавал, что единство социальных отношений, верований и обычаев может быть основой для международных сказочных тем (*Литературный 1987: 369*). По мысли Жирмунского, заимствованная схема того или иного сюжета в национальном фольклоре обрастает специфичными бытовыми подробностями, народной идеологией, социальными отношениями (*Жирмунский 1979: 231*).

Современный этнограф и фольклорист Е. А. Костюхин в статье «Сказка и типология культурных контактов» (1993) объяснял схожесть сюжетов контактами культур. Он выделил три типа возможных контактов: «между родственными народами, между соседями, принадлежащими к разным языковым группам, но близкими в культурном отношении и между соседями, культурные традиции которых значительно разнятся» (*Костюхин 1993: 4*). Анализируя сказки о животных, автор аргументировано обосновывает, что возможно заимствование только таких сюжетов, которые соответствуют культурной традиции народа и воспринимаются в ее контексте (*Костюхин 1993: 3*).

«Если у родственных народов мы наблюдаем чаще всего появление специфических подтипов и новые варианты взаимоотношений сказочных сюжетов, то результатом сотворчества соседних народов зачастую бывают оригинальные сюжетные типы или хорошо заметные региональные версии интернациональных сюжетов» (*Костюхин 1993: 11*).

В своей статье «Почему сказки одинаковые?» (2004) фольклорист С.Ю. Неклюдов пишет, что помимо культурных заимствований и миграций сюжетов существуют «фольклорно-мифологические схождения, не объяснимые ни языковым родством, ни культурной диффузией» (*Неклюдов 2004: 7-10*). Такие схождения принято называть «типологическими, т. е. обусловленными действием неких общих законов культурного развития и универсальных правил построения текстов культуры. Они приводят к одинаковым результатам как структурного, так и содержательного уровня» (*Неклюдов 2004: 7-10*).

Сказка – это универсальная форма устного народного творчества, обладающая интернациональным началом, но приобретающая национальные черты отдельно взятого народа. На разных этапах развития общества сказочные сюжеты переходили от одного народа к другому, изменяясь и приобретая национальные черты. Изучение сказки невозможно без учета её исторического и культурного начала.

1.4. Обзор исследовательской традиции

1.4.1. Изучение русских сказок о животных

Долгое время сказки бытовали лишь в устной форме, первые печатные издания сказок возникли в России лишь в XVIII веке. В 1850-х гг. в России стали формироваться первые научные школы в области изучения фольклора. Заметной и значимой фигурой в русской фольклористике того времени был А.Н. Афанасьев – собиратель русского фольклора и составитель самого полного сборника русских сказок («Народные русские сказки», 1855-1863 гг.). В первом издании «Народных русских сказок» отсутствовала какая-либо классификация, однако при подготовке второго издания А. Н. Афанасьев продумал и осуществил классификацию материала. Это было первое издание, в котором сказки были систематизированы. Сказки о животных были выделены им в отдельный раздел (наряду с волшебными, новеллистическими и бытовыми сказками) (*Кравцов и др. 1983: 96-112*).

Русский фольклорист И.П. Сахаров также предпринял попытку классификации сказок, разделив сказки по характерам героев без учета сказок о животных. Его классификация не привилась в фольклористике (*Кравцов и др. 1983: 100*).

Одними из первых, кто подошел к вопросу о структуре сказки, были В.Я. Пропп и А. И. Никифоров. В.Я. Пропп в книге «Морфология сказки» (1928) подробно исследовал функции действующих и второстепенных персонажей волшебной сказки, мотивы их поведения. В своей классификации Пропп присоединил к сказкам о животных еще и кумулятивные сказки (в них один и тот же мотив может повторяться несколько раз – например, в таких сказках о животных, как "Терем мухи", "Зимовье зверей" и др.).

Предметом исследований А. И. Никифорова была сказочная традиция: жанровая специфика, стиль и морфология повествования сказок. Он предложил выделить две группы сказочных жанров. Первую группу составляли «натуральные», или «естественные» сказки (сказки–при сказки, волшебные сказки, новеллистические сказки, легендарные сказки и «детские»). Во вторую группу входили «пародийные» сказки. (Никифоров 2008: 30). Однако эти исследования не получили широкую известность, в отличие от «Морфологии сказки» В. Я. Проппа.

В конце XIX - начале XX века в России появлялись многочисленные сборники сказок, формулировались новые принципы собирания и издания сказок. Международное признание получила классификация сказок финского ученого А. Аарне, который разделил сказки на три группы: сказки о животных, собственно сказки, анекдоты (Кравцов и др. 1983: 96-100).

А. Аарне являлся финским исследователем фольклора, филологом и систематизатором сюжетов. Свои изыскания по теме сказок исследователь собрал в указатель, изданный на немецком языке в Хельсинки в 1910 году. В основу принципа разделения текстов был положен сюжет. Указатель стал чрезвычайно популярным и был переведен на многие языки. На русский язык указатель был переведен Н.П. Андреевым («Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне»).

Существенным недостатком классификации явилось отсутствие четкого распределения на типы. Об этом упоминали как В. Пропп, так и Н.П. Андреев. К примеру, при схожести сюжетов было невозможно их четко разграничить и отнести к тому или иному типу. Такая нечеткость привела к тому, что с течением времени стали вноситься дополнения и корректировки. Американский учёный Стив Томпсон перевёл указатель на английский язык и учёл все сделанные за это время дополнения. Указатель многократно дорабатывался и улучшался, в результате чего труд Аарне стал универсальным международным каталогом сказочных сюжетов. За много лет, прошедших после выхода в свет первого международного указателя сказочных сюжетов А. Аарне, появились сотни различных указателей, построенных по системе финского фольклориста.

Среди современных российских ученых-фольклористов, внесших наиболее весомый вклад в изучение русских сказок, можно выделить В.П. Аникина. В работе «Русская народная сказка» он исследовал происхождение сказок о

животных, подробно охарактеризовал жанровые и структурные особенности сказок о животных, их стилевые черты.

Аникин детально останавливается на особенностях фантастического вымысла сказок о животных, обращаясь к таким его истокам, как анимистические верования древних славян (*Аникин 1977: 49*).

Ученый и исследователь Э. В. Померанцева занималась изучением устной прозы, прежде всего русской сказки. Померанцева писала о том, что для каждой эпохи характерна своя сказка, которая имеет что-то общее с предыдущими и последующими веками, однако отличается от них (*Померанцева 1963: 77*). Автор аргументировано обосновывает стабильность образов животных персонажей: «Они настолько стабильны, выношены, отшлифованы, что сказочники неразрывно связывают с названиями животных и насекомых эпитеты, раскрывающие отдельные черты в их облике или поведении: «заюшка-побегаюшка, «волчище серое хвостище», «медведь тыпыш-ляпыш, всем подгнетьш» (*Померанцева 1963: 78*). Внимание Э. В. Померанцевой привлекала и такая проблема, как выявление личности и роли сказочника.

По мнению автора, архаичность сказок о животных подтверждается цепевидной композицией некоторых сказок, преобладанием диалогов и переходами от повествования к песне и обратно (*Померанцева 1963: 81-84*).

Е.А. Костюхин изучил историю появления сказок о животных на примерах разных народов, также указал на отсутствие единых признаков, по которым характеризовались бы сказки о животных как отдельный жанр (*Костюхин 1987: 7-13*).

Э. Ф. Шафранская в книге «Устное народное творчество» рассматривает широкий спектр вопросов, связанных с русским народным творчеством. Наш интерес вызвали главы, посвященные мифу и сказкам (в частности, сказкам о животных). Шафранская пишет о том, что сказка – это древний вид творчества, отражающий древние представления о жизни. «Она (сказка) тесно связана с древними обрядами, обычаями, мифами, формами первобытного мышления и рядом социальных институтов прошлого» (*Шафранская 2008: 39*). По мнению автора, в основе сказок лежат мифы, а в основе сказок о животных – тотемические мифы.

Мысль автора о том, что герои сказок о животных не воплощают человеческих недостатков, представляется весьма интересной. По мнению Шафранской, «отрицательные персонажи бывают смешные не своей принадлежностью к виду животного, а ролью в сюжете» (*Шафранская 2008: 45*).

О роли смеха в сказках писала и Т. В. Зуева в своей работе «Русский фольклор»: «русские сказки о животных связаны со смехом и даже с натуралистическими подробностями». (*Зуева и др. 1998: 143*). Автор считает, что с помощью юмора и веселья в сказках соединяется звериное и человеческое начала в образах животных (*Зуева и др. 1998: 143*).

Э. Ф. Шафранская и Э. Б. Померанцева отмечали сужение круга действия сказок до преимущественно детской аудитории.

Исследованиями детского фольклора занимался также Ф. С. Капица. Он указывал, что к детскому фольклору относится «творчество взрослых для детей, произведения традиционного фольклора взрослых, перешедших в детскую среду и оригинальное детское творчество» (*Капица и др. 2011: 7*). Сказки о животных Капица относит к категории перешедших из фольклора «взрослых» и специально обработанных для детей (*Капица и др. 2011: 130*).

Из работ последних лет, посвященных русским сказкам о животных, необходимо отметить исследование Ю.Ю. Мариничевой. В своей диссертации она уделила особое внимание жанроопределяющим особенностям сказок о животных. Исследователь выдвинула гипотезу о том, что приём трюка и диалоги являются самыми важными сюжетными элементами сказок о животных. Мариничева рассматривает сказку о животных с точки зрения ее персонажей и их взаимоотношений, которые, на ее взгляд, отражают определенные стратегии поведения (всего пять стратегий: лисья, волчья, медвежья, заячья, петушиная), главной из них является обман и ответная реакция. По мнению исследователя, универсальные роли, которые выполняет большинство животных в этом типе сказок – обманщик (или трикстер) и его жертва (*Мариничева 2012: 222-225*).

Изучение сказок о животных занимает одно из ведущих мест, в трудах вышеперечисленных исследователей, однако меньшее, чем волшебная сказка. Несмотря на то, что вопросы о возникновении сказок о животных, их художественных и лексических особенностях изучены достаточно подробно,

ученые сходятся во мнении, что сказка о животных требует к себе более пристального внимания.

1.4.2. Изучение эстонских сказок о животных

Сознательный интерес к эстонскому народному творчеству возник с первых десятилетий XIX века. К эстонскому фольклору проявляли интерес в основном немецкие философы, писатели и литераторы, пасторы: И. Г. Гердер, Хр. И. Ю. Шлегель, И. Г. Розенплентер, А. Ф. И. Кнюпфер, К. Я. Петерсон. Труды этих исследователей явились предпосылкой для зарождения и становления эстонской национальной фольклористики (*Аннист и др. 1980: 22-24*).

Что касается собирания и изучения эстонского фольклора, в частности, эстонских народных сказок, то здесь ключевыми фигурами были фольклористы и писатели Ф. Р. Фельман, Ю. Кундере и Ф.Р. Крейцвальд.

В 1838 году Ф. Р. Фельман создал Эстонское ученое общество. Деятельность общества была направлена на исследование и сбор материала в области эстонского языка, литературы, фольклора, этнографии и истории. В процессе работы общества возникла мысль о создании эстонского эпоса, но она не была реализована в связи со смертью Ф.Р. Фельмана (*Аннист и др. 1980: 23-24*).

Ф. Р. Крейцвальд продолжил и сбор фольклорных текстов, и работу Ф. Р. Фельмана по созданию эстонского эпоса. На эстонском языке эпос «Калевипоэг» был опубликован в 1862 году (*Аннист и др. 1980: 26*).

Крейцвальд продолжил записывать эстонские сказки, а затем, обрабатывая народные сюжеты, создавал на их основе свои сказки; при этом он старался как можно ближе держаться народного склада речи (*Крейцвальд 1953: 261-264*).

Писатель, педагог и активный собиратель фольклора. Ю. Кундере выпустил книгу «Эстонские сказки» (1885). Как и Ф. Р. Крейцвальд, Ю. Кундера собирал и обрабатывал услышанные сказки, ему удавалось сохранить и удержать народный стиль речи (*Аннист и др. 1980: 29*).

Обработкой популярных сюжетов народных эстонских сказок занимался писатель Эрнст Сяргава. Были опубликованы две его детские книги: «Старинные рассказы для детей» и «Старинные сказки о кумушке-лисе». В

«Старинных сказках о кумушке-лисе» автор обработал популярные сюжеты о проделках лисы и объединил их общими персонажами: старик, старуха, лиса, медведь, волк (*Сяргавя 1984: 79*).

Продолжателями дела по собиранию и обработке сказок были Я. Хурт, М. Веске, Ю. Кундере, Я. Йыгевери, О. Каллас, М. И. Эйзен, А. Р. Якобсон Я. Пирийе и др.

Первым исследователем, который попытался систематизировать народные сказания, был Я. Йыгевере. Он сопровождал свои публикации сказок данными о рассказчике и происхождении сказки, однако его издания не нашли широкого признания (*Kippar 1997*).

Финский ученый Аарне по материалам, собранным Якобом Хуртом, делал попытки систематизации эстонских сказок. После Аарне типологизировать сказки пробовал Вальтер Андерсен, а также Оскар Лоритс, в советское время этим занимался Херберт Тампере (*Kippar 1997*).

Первое научное издание, в котором собраны все виды эстонских сказок, вышло на эстонском языке в 1967 году. Сборник был подготовлен несколькими исследователями – такими, как В. Мялк, И. Сарв, Р. Видалепп. В книге собрано 140 произведений: сказки и анекдоты. В послесловии сборника дана характеристика и описание всех встречающихся видов эстонских сказок (*Mälk 1967*).

Значительное место в изучении эстонских сказок, в частности, сказок о животных, занимают современные исследования П. А. Киппар. Исследователь применила для классификации сказок указатель Аарне -Томпсона, рассмотрела ареалы и пути распространения основных сюжетов сказок о животных. Киппар сделала попытку собрать воедино весь репертуар эстонских сказок о животных: «приблизительно 3000 вариантов сказок о животных, представляющих около 200 сюжетов» (*Аннист и др. 1980: 233*). Одной из важных жанровых особенностей эстонских сказок о животных Киппар называет их близость к объяснительным преданиям (*Аннист и др. 1980: 236*).

Сбор и становление эстонского фольклора начался в период разложения феодального строя, что способствовало появлению в сказках черт, характеризующих то время (*Аннист и др. 1980: 235*). В сказках отражались и

явления, подтверждающие контакты культур: «например, волк хвалится тем, что знает русский, финский и польский или немецкий, русский и эстонский языки, поскольку будто бы учился в «уездном училище»» (*Аннист и др. 1980: 235*).

Эстонское наследие сказок представлено в сказках о животных, волшебных сказках, легендарных, новеллистических и сказках о глупом черте.

Эстонский исследователь М. Х. Йезен отмечает, что эстонские сказки нельзя назвать полностью эстонскими: из-за соседства разных народов сюжеты переходили от одних к другим, перемешивались. Предки эстонцев преобразовывали сказания таким образом, что они получались эстонскими по характеру и духу (*Eisen 1995: 5*).

В Эстонии с 1999 года действует проект по сбору, систематизации, а также переводу в электронный вариант эстонских народных сказок. В базу Эстонского архива национального фольклора внесено около 11000 сказок (к 2015 г.). В 2016 г. около половины из них внесены в электронную среду архива. К сожалению, материалы сайта не переведены на русский язык; практически отсутствуют и новые сформированные сборники эстонских сказок на русском языке (*Eesti 1995*).

1.5. Мифологические корни сказок о животных

1.5.1. Понятие «миф»

В эпоху романтизма возникло научное направление, называемое «мифологической школой». Согласно концепции школы, «мифология была источником и «ядром» искусства» (*Николюкин 2003: 566*). Наиболее ярко эта концепция нашла свое отражение в работах братьев В. и Я. Гримм. Братья выдвинули теорию, согласно которой из мифа произошли все виды фольклора (*Николюкин 2003: 566*). «В мифологической школе различают два течения: «этимологическое» (лингвистическая реконструкция мифа) и «аналогическое» (сравнение мифов, сходных по содержанию)» (*Николюкин 2003: 566*). Теории и методы мифологической школы не нашли активного распространения в науке,

но «способствовали активному изучению фольклора и заложили основы сравнительной мифологии» (*Николюкин 2003: 566*).

По определению, данному литературным словарем, миф – это «повествования, совокупность «рассказов» о мире, это не жанр словесности, а определенное представление о мире» (*Литературный 1987: 231*). Иными словами, миф является отражением представлений древних людей об устройстве окружающей действительности и взаимоотношениях с ней. При помощи мифических историй люди пытались объяснить различные явления и события, происходящие в жизни.

Как и сказки, мифы можно объединить в определенные группы на основе схожих тем и мотивов: **«космогонические мифы** – мифы о сотворении мира и жизни, **эсхатологические мифы** – мифы о наступлении конца света, **тотемические мифы** – мифы о предках, которыми чаще являются животные, но также и растения и люди, **мифы о культурном герое** – человеке, принесшем благо человеческому сообществу, **мифы о трикстере** – мифы о двойнике культурного героя, **этиологические мифы** – мифы, объясняющие явления и процессы в окружающей реальности, **посвятительные мифы**, или **инициационные** – мифы, содержащие информацию об обрядах перехода мальчиков (часто и девочек) в иную возрастную и социальную категорию» (*Шафранская 2008: 21*).

Появление мифа обычно принято связывать с архаичным мировоззрением, для которого характерными чертами являются анимизм, антропоморфизм, метаморфизм, тотемизм, магизм (*Шафранская 2008: 23*). Мифологическое мышление отражается в фольклорных и литературных текстах (*Шафранская 2008: 24*).

По мнению известного исследователя Е. М. Мелетинского, появление сказки из мифа не вызывает сомнения. Исследователь приводит в пример многочисленные тотемические мифы и особенно мифологические анекдоты о трикстерах, которые широко отразились в сказках о животных (*Мелетинский 1995*).

«Тотемизм» – это одна из древнейших форм религии, характерная для первобытного человека. Это вера в родственные связи отдельной группы людей

с каким-либо животным или растением, птицей, насекомым. Выбранное животное нельзя было убивать или употреблять в пищу, каждый член рода обязан был оказывать почтение и уважение выбранному зверю (*Аникин 1977: 42*). Закономерно появление при такой форме религии рассказов, преданий, мифов, где главными персонажами выступают именно «представители родов» т.е животные - первопредки.

При тотемизме человек переносил на всю природу черты общественного устройства, разделяя флору и фауну на группы (животные, птицы, рыбы, насекомые и т.д.), подобно человеческому обществу. Возможно, со временем такие представления, трансформировавшись, отразились в сказках, что привело к типизации персонажей-животных.

По мере исторического развития утрачивается тесная связь с ритуалами, связанными с тотемами рода, теряется сакральный и практический смысл обрядов, идет «разложение первобытно - общинного строя и упадок мифологического мировоззрения» (*Зуева и др. 1998: 133*).

По предположению В. П. Аникина, именно в результате распада тотемического мировоззрения изменились сказки о животных: «распадом материнского рода в значительной степени объясняется, почему в мифических преданиях и сказаниях многих народов мира высмеиваются те животные, которые составляют предмет почитания в древних культах» (*Аникин 1977: 52*).

Высмеивание того, что ранее являлось запретным, приводит к потере страха и уважения к животному. Именно насмешка над животным «указывает на разложение тотемного культа» (*Зуева и др. 1998: 143*).

Этого же мнения придерживается и Е. А. Костюхин: «на этой ступени (переход от матриархата к патриархату) миф превращается в сказку: поскольку поступки животных перестают быть предметом веры, под животными начинают подразумеваться люди, т. е. в сказках о животных определяется их главный признак — аллегория» (*Костюхин 1987: 22*). По мнению М. А. Волошиной, миф потерял свое священное значение тогда, когда в качестве слушателей пригласили детей (*Волошина 1996: 3-13*).

По мнению некоторых исследователей (Аникин, Зуева, Померанцева), дошедшим до наших дней примером тотемического мировоззрения,

сохранившегося в сказке о животных, является сказка «Медведь на липовой ноге». Сюжет сказки основывается на возмездии человеку за вред, причиненный медведю. Медведь съедает мужчину и женщину за то, что ему отрубили ногу.

Е. А. Костюхин пишет о том, что напрямую соотносить мифологические и сказочные сюжеты сложно (*Костюхин 1987: 23*).

Отсутствие письменности повлияло на то, что не все сказки, как и мифы, дошли до нашего времени. «Собственно славянские мифологические тексты не сохранились: религиозно-мифологическая целостность «язычества» была разрушена в период христианизации славян» (*Петрухин и др. 1995: 5*).

По мнению ряда исследователей (В. Я. Пропп, В. П. Аникин, Э. Ф. Померанцева) постепенно сказки о животных выделились из животного эпоса, сохранив в себе такие типичные черты, как антропоморфизм, анимизм и тотемизм. В сказке сохраняются некоторые темы, сюжеты и персонажи, присутствующие ранее в мифах.

Ориентированность на детскую аудиторию, насмешка над персонажами и развитие человеческого самосознания привело к изменению мифологических рассказов в сказки. В сказках исчезло почтительно отношение к зверю, образы приобрели статичные черты и стали нарицательными.

1.5.2. Животные в русской мифологии

Верованием древних славян, как и эстонцев, было язычество. Славянское язычество развивалось самостоятельно, но не было отделено от верований соседствующих народов (*Петрухин и др. 1995: 8*). Язычество содержало в себе как «аниматические верования (т.е. убежденность, что все в природе живое – и камень, и огонь, и дерево, и молния и т.п.), так и анимические (т.е. представления о душе)» (*Петрухин и др. 1995: 8*). Поверья о душе, вероятнее всего, были впоследствии связаны с верой в переселение душ (способность мифологических персонажей к «метаморфозам»). Позднее персонажей со сверхъестественными способностями с приходом христианства переименовали в нечистую силу. Все эти сверхъестественные силы населяли мир рядом с

человеком, и их можно было отпугнуть или задобрить, совершив определенный ритуал или обряд (*Петрухин и др. 1995: 8*).

Как в эстонской, так и в славянской мифологии присутствуют ритуалы, связанные с жертвоприношением. В основном это были домашние животные и птицы (*Волошина 1996: 60*).

Если о высших славянских божествах сведений сравнительно немного, то вера в «низших» представлена разнообразно и отличается постоянством. К низшим мифологическим существам относятся домовые, черти, духи растений и животных, духи - покровители (*Петрухин и др. 1995: 5-7*).

Духи - покровители представлены определенным кругом животных. «В основном это гады (змея, лягушка, черепаха и червь) и близко связанные с ними насекомые, но лишь те, что обитают в доме или появляются в нем (сверчок, паук, черные тараканы и муравьи), а также некоторые другие хтонические животные (ласка и крот) и отчасти птицы, устраивающие свое гнездо на доме (аист и ласточка)» (*Гура 1997: 17*).

По мнению исследователя В.П. Аникина, сказкам о животных предшествовали поверья о животных. Заметное отличие сказок от поверий Аникин объясняет распадом родовых отношений, уходом от тотемического мировоззрения (*Аникин 1977: 44*).

Человек верил, что почитание и вера в животное – тотем, а также в то, что проведение различных обрядов может помочь найти защиту против опасностей и диких зверей (*Аникин 1977: 42*). «Человек, назвавший себя родственником медведя или волка, желал обезопасить себя и свое жилище» (*Аникин 1977: 42*).

При разложении тотемического мировоззрения отношение к животным изменилось. Наиболее противоречивые отношения, закрепившиеся в сказках – отношение к медведю, волку и лисе.

В сказках волк и медведь - глупые, неуклюжие и зачастую озлобленные звери. Оба персонажа представляют собой негативные качества: злость, глупость, неуклюжесть и т.д.

В народных поверьях о животных наблюдается обратная картина: **медведь** является одним из главных персонажей, вызывающих поклонение и уважение. С медведем связывали представления о покровителе, близком к тотему (*Аникин*

1977: 46). С его образом связывали брачную символику, символику плодородия и плодovitости (Петрухин и др.1995: 255). Для древних славян был характерен культ медведя (Аникин 1977: 46). Об этом свидетельствуют находки археологов: просверленные медвежьи зубы и ожерелья из звериных зубов (Аникин 1977: 45).

Медведь был окружен особым почитанием. На медведя нельзя было охотиться, употреблять в пищу медвежье мясо и носить одежду из медвежьих шкур. Однако на него иногда организовывали ритуальную охоту (Волошина 1996: 51-52).

В честь медведя устраивали праздники и верили, что он может помочь заблудившемуся человеку в лесу; при помощи магических ритуалов у медведя просили милости (Аникин 1977: 45).

Типичные прозвища медведя указывают как на запрет самого названия животного, так и на родственные отношения человека и медведя («хозяин», «косопалый», «мишка», «потапыч», «дедушка», «старик» и пр.) (Аникин: 44, Волошина: 52).

По некоторым славянским легендам происхождение медведя связано с человеком, который был обращен в наказание Богом в медведя (Гура 1997: 160).

Слово «**волк**» имеет тот же корень, что и слова «волоку», «волочить», т.е. «таскать, тащить». **Волк** в буквальном смысле значит «таскающий» (Шанский и др. 1961: 65). Предположительно, что такое наименование пошло от того, что волки таскали домашний скот. Волков боялись и уважали. Волк является наиболее мифологизированным и одним из центральных персонажей среди зверей (Гура 1997: 122).

В славянской мифологии волк наделен даром всеведения (Волошина 1996: 55).

Древние славяне верили, что волки имеют своего покровителя – пастыря-святого Юрия (Аникин 1977: 46). По поверьям ночной волчий вой считали разговором волков и святого Юрия. Верили, что таким образом волки просят пищу у своего покровителя (Аникин 177: 46).

Волка связывали с нечистой силой и духами. Считалось, что волк находится в подчинении у лешего (Гура 1997: 20-23).

У славян существует сходное с эстонцами поверье в то, что ведьмы или волхвы могли как сами превращаться в волков, так и превращать других людей (Волошина 1996: 57).

Возможно, вследствие того, что люди часто сталкивались с этими хищниками, приносящими вред скоту, поверья о них сохранились более подробно. В то же время сведения о животных, представляющих значительно меньшую опасность, сохранились в поверьях в неясных и нечетких формах (Аникин 1977: 47).

Популярный герой русских сказок о животных – **лиса**. В сказках она хитра, умна и мстительна. Насмешливое отношение к лисе в сказках противоречит отношению к ней в народных поверьях. Суеверия, связанные с лисой, почти неизвестны. Однако по одной из примет, встреча с лисой предвещала несчастье. Существование суеверий, связанных с лисой, но не дошедших до наших дней, доказывают археологические находки. В древних захоронениях были найдены ожерелья, где, кроме волчьих и медвежьих зубов, были и лисьи. По мнению В. П. Аникина, лисьи зубы также имели свой магический смысл, как волчьи и медвежьи (Аникин 1977: 47).

Заяц (буквально имеющий значение «прыгун») сохраняет трусоватые черты, как в сказках, так и в поверьях. В народном представлении заяц – олицетворение трусости (Петрухин и др. 1995: 190).

Домашних животных славяне связывали с особыми типами суеверий (Петрухин и др. 1995: 228-229).

Воплощением силы по народным поверьям являлся **бык**, а не медведь (Петрухин 1997: 68).

Еще одно наиболее мифологизированное священное животное – это **конь**. Образ коня связывают с культом плодородия и смерти, наделяют способностью предсказывать судьбу (Петрухин и др. 1995: 228).

Из наиболее почитаемых домашних животных можно выделить **корову**. Корова, как и бык, связана в народной культуре с небесной водой, облаками и осадками. Считалось, что её необходимо больше всего оберегать от нечистой силы (Петрухин и др. 1995: 229).

«Прочно держалось верование, что скотина – **корова и лошадь** – способна понимать человеческую речь и что у нее есть душа» (Аникин 1977: 47).

Считалось, что **овца** и **баран** могли противостоять власти волшебных сил леса. Люди верили, что упоминание об овечьей шерсти способно отогнать лешего (Аникин 1977: 47).

Собаке приписывали знания о будущем. Люди верили в то, что её вой предвещает покойника (Аникин 1977: 47).

Способность изгонять чертей приписывали **козлу**. С целью увеличения урожая проводили обряды с участием козла (Аникин 1977: 47).

Петуха наделяли способностью противостоять нечистой силе, но в то же время он наделялся и демоническими свойствами. Петуха, как и медведя, считали символом плодородия. Известны поверья о том, что крик петуха обладает способностью отгонять нечистую силу (Петрухин и др. 1995: 307).

«Было распространено поверье о том, что черный петух на третий год сносит яйцо, из которого выводится змей, а по другим рассказам – черный кот» (Аникин 1977: 47).

Сохранилась и дошла до наших дней примета о вреде **котов**, особенно черных (Аникин 1977: 47).

В поверьях также упоминаются птицы: **кукушка**, **ласточка**, **жаворонок**, **воробей** и **ворон**.

Маленькая птица **воробей** в народных представлениях была олицетворением мужской и брачной символики, символики ловкости и проворства (Петрухин и др. 1995: 113).

Ворона и **ворону** в народных представлениях связывали с нечистой силой, с кровопролитием, насилием и войной (Петрухин и др. 1995: 116).

Для поверий о вороне также характерен мотив кражи. Считалось, что человек может стать вором, если съест сердце или мясо ворона. Было широко распространено поверье в то, что крик ворона предвещает смерть (Петрухин и др. 1995: 117).

Совсем другие свойства вороны выявляют сказки о животных и некоторые малые фольклорные жанры – поговорки, анекдоты. «В них на первый план выставляется глупость вороны, что делает ее комическим персонажем. В сказках глупость вороны сочетается с хвастовством и тщеславием» (Петрухин и др. 1995: 118).

В сказках **мышь** мала и безобидна, а по поверьям – нечистое животное, считающееся созданием дьявола (*Петрухин и др. 1995*).

«Поверья русского народа и вообще поверья восточнославянских народов позволяют со всей уверенностью предполагать, какие животные были героями мифических рассказов и преданий древнего баснословия» (*Аникин 1977: 47*). В сказках животные наделены человеческими качествами, но мы видим в них уже людей, в то время как в поверьях «звери были наделены разнообразными человеческими качествами, но в зверях видели именно зверей» (*Аникин 1977: 47*).

Рассмотренный материал о поверьях и предания о животных, частично подтверждает мнение исследователя В. П. Аникина, описанное в его работе. Автор справедливо отмечает, что «почти все сказки судят о животных противоположно тому, как о них говорится в мифических поверьях и быличках» (*Аникин 1977: 47*). Однако стоит отметить, что некоторые мифологические представления перешли в сказки. Например, о трусости зайца и могучей силе медведя и быка, об отваге петуха.

1.5.3. Животные в эстонской мифологии

М. Х. Эйзен («Eesti mütooloogia») и У. Масинг («Eesti usund»), сходятся во мнении, что вера предков эстонцев претерпела изменения под влиянием других народов. На сегодняшний день сложно определить, где истинно эстонские поверья, а где чужеродные элементы (*Eisen a 1995: 5-7*).

М. Х. Эйзен и О. Лоритс придерживались схожих анимистических теорий в отношении веры древних эстов. Люди верили в духов и одушевляли практически все объекты и явления природы: солнце луну, ветер, камни деревья и т.д.

Душа, или дух присутствовали где-то в меньшей, а где-то в большей степени. «Душу представляли как нечто конкретное: у одного она была больше и сильнее, у другого меньше и слабее, ее можно было обретать и терять, давать и брать» (*Аннист и др. 1980: 10-11*).

«Считалось, что у души три формы проявления (или места обитания), т.е. что она бывает телесной, теневой или именной. Чаще всего верили, что душа находится в крови или в сердце» (*Аннист и др. 1980: 11*).

Древние эстонцы разделяли мир на две части: мир на земле и под землей. Они верили, что под землей после смерти идет такая же жизнь, что и на земле. Рядом с культом смерти у древних эстонцев был культ, связанный с духами. Духовный мир можно поделить на несколько категорий: духи, обитающие рядом с человеком (домовые, привидения, нечистая сила и т.д.), духи-покровители, духи, населяющие природу, и высший дух на небе (боги) (*Eisen 1995*).

Единого бога как такового не было, но были небесные божества, обитающие на небе. Только после прихода христианства появилось поклонение единому богу (*Eisen a 1995: 101*). По одной из версий, Бог создал всех животных, а черт создал волка. По другой версии, черт создал осину, мошек, комаров и всех злых животных, а Бог создал божью коровку, плодовые деревья, птиц, коней и телят (*Masing 1998: 17*).

Для поклонения богам или духам древние эстонцы использовали священные рощи или жертвенные камни. Жертва могла быть как кровавой, так и нет, каждодневной или посвященной определенному дню (*Eisen 1995 a*).

Нематериальный мир по представлениям эстонцев был очень разнообразным. Однако не все люди были способны общаться с миром духов. Преимущество в этом деле было у ведьм, колдунов или волхвов. Простые люди для общения с миром духов и получения какой-либо благодати совершали определенные обряды (жертвоприношения) (*Eisen 1995*).

В эстонской мифологии образы животных, насекомых, пресмыкающихся и птиц, в основном связаны с жертвоприношением, миром духов и предсказанием будущего. Например, с помощью **божьей коровки** волхвы пытались предсказывать будущее (*Eisen 1995: 16*).

Змеи могли влиять на погоду. По преданиям, тучи состоят из веществ, похожих на студень, движущихся по переплетениям внутри тучи, в грозу из тучи могли падать отколовшиеся кусочки. Считали, что змеи могут залезать наверх и разгрызать переплетения, портя тучу (*Masing 1998: 55*).

По эстонскому преданию, мир произошел из **яйца**. Есть несколько вариантов развития событий, где птицей могла быть как ласточка, так и какая - либо безымянная птица, но отличающаяся по цвету. По сюжету мифа птица летала по миру и однажды залетела в пещеру, где были три куста: красный, синий и желтый. Птица вьет гнездо на одном из кустов и из него появляются птенцы. Далее птенцов распределяют по миру, создают из птенцов различные вещи или природные элементы, в зависимости от варианта сюжета: месяц, солнце, звезды, камни, день, небо и т.д. (*Masing 1998: 12-15*).

Жертвоприношение

Древние эстонцы могли приносить в жертву, как людей, так и животных. Принесение в жертву человека в некоторых случаях считали слишком дорогим, поэтому взамен обычно приносили в жертву животных и птиц. Как правило, в жертву приносили домашних животных и птиц: лошадей, быков, коров, телят, овец, козлов, свиней, петухов, куриц, гусей, цыплят и других животных. Большое значение придавали цвету приносимого в жертву животного или птицы. В основном это должен быть черный или белый цвет (*Eisen 1996: 27*).

При принесении в жертву **быка**, надеялись получить удачу в рыбной ловле. Как правило, жертвоприношение сопровождалось молитвой. Считалось, что кровь быка помогает в строительстве церкви. В одном из народных преданий говорится о том, как один из старейшин принес в жертву 300 быков духу из источника в Куусалуу в благодарность за полученное здоровье (*Eisen 1996: 27-29*).

Моряки приносили в жертву **лошадь** для задабривания духов озер и рек. Лошадь сытно кормили накануне, а затем бросали с камнем на шею в воду. Верили, что если лошадь не утонула, то подношение не понравилось. Для жертвоприношения обычно выбирали старое, но здоровое животное. Если вначале приносили в жертву молодых, здоровых и сильных, то впоследствии уже малоценных, т.е. старых и не приносящих пользу животных и птиц. С помощью лошади искали подходящее место для строительства церкви (*Eisen 1996: 29-31*).

После становления христианства поедание мяса лошади стало под запретом. Лошадиное божество, свиное и овечье божества в период христианства получили имена Георгиуса, Антониуса и Катарины; позднее в народе их переименовали в Юри, Тыниса и Кадри (*Eisen 1996: 29-31*).

В честь овечьего божества-покровителя в жертву обычно приносили **овец**, иногда барана. Кровью еще живой овцы окропляли сад или добавляли в питье для других овец. Часть мяса съедали сами, а часть отдавали бедным. Считалось, что жертвоприношение овцы или барана принесет здоровье скоту на следующий год и оградит от нападок хищников (*Eisen 1996: 31-32*).

Кровь **козла** использовали желающие найти клад. Искатели клада в ночь на четверг убивали козла и окропляли его кровью предполагаемое место, где зарыт клад. Кроме козла приносили в жертву черную собаку, кошку, курицу или петуха. Козу или козла могли приносить в жертву для получения защиты у козлиного божества для скота (*Eisen 1996: 33-34*).

Более широкое распространение получило принесение в жертву **свиньи** или борова. Христианская церковь учила почитать нового защитника свиней Антония. В его честь строили часовни. Люди приносили в часовню свиней в качестве жертвоприношения для древнего божества, однако монахи называли это чествованием защитника Антония. С течением времени «Антония» в народе переименовали в Тыниса (Тынни). Обычай приносить в жертву на Тынисов день сохранился в народе на долгое время. В этот день ели голову или полголовы принесенной в жертву свиньи, остальное оставляли в качестве жертвы Тынису. Человек приносил в жертву свинью и просил благословения для себя, своей семьи и защиты для скота.

Во время рождества приносили в жертву рождественского борова, но христианская вера наложила запрет на это. Малоимущие люди приносили символично в жертву хряка, сделанного из хлеба (*Eisen 1996: 34-37*).

Не приносили в жертву **диких животных**, а из домашних – **кошек**. В качестве жертвы **собак** выбирали редко, т.к. их мясо не съедобно (*Eisen 1996: 39-49*).

Среди птиц чаще всего в жертву приносили **петуха**. При принесении в жертву петуха на Юрьев день надеялись получить удачу в овощеводстве и скотоводстве. Широко использовали в ритуалах кровь петуха. Считалось, что

кровь петуха помогает в нахождении клада и строительстве дома. Приносили в жертву петуха и на Михайлов день, во время почитания души. Если не было петуха, приносили в жертву курицу. С кровью петуха связана и вера в привидения. Считалось, что покойник может попытаться забрать к себе кого -нибудь из родственников. Для того, чтобы этого не случилось, приносили в жертву петуха, овцу или корову. Участники похорон варили мясо и съедали его, оставляя часть покойнику. В этом случае считалось, что смерть получила свою долю и больше не придет (ритуал поминовения усопших).

В случае, если не были соблюдены традиции погребения и поминания, верили, что покойник может приходиться в свой бывший дом в виде привидения. Считалось, что привидение могло принимать образ любого животного, но обычно того, что было принесено в жертву. Отпугнуть покойника мог только крик петуха. В Вирумаа считали, что плохо захороненный покойник может превратиться в «вестника смерти». Считалось, что вестник смерти может являться людям со звериным лицом или в образе птицы. Но чаще всего его не видели, а слышали: гремит, шумит, ойкает и т.д. Также приносили в жертву **кур** и **гусей**, но об этом осталось мало свидетельств (*Eisen 1996: 37-39*).

Для хорошего улова приносили в жертву и **рыбу**. Делили её на небольшие кусочки и бросали в воду или возвращали из первого улова часть рыбы обратно в воду (*Eisen 1996: 37-39*).

Духи

В нематериальном мире в основном представлены животные и птицы небольших размеров, а также насекомые (*Eisen 1995*).

В эстонской мифологии есть поверья о духах-покровителях, которые живут внутри человека. По поверьям, это душа человека, которая приобрела образ конкретного животного. Считалось, что его можно увидеть, когда человек спит. Когда человек ложиться спать, духи, принимая образ мухи, слепня, бабочки или любого другого насекомого, вылетают из него. Иногда они оборачиваются в волка или медведя, если находятся вдали от человека (*Eisen 1995: 12*).

Есть поверья о том, что дух умершего человека может принять форму какого-либо животного, к примеру, птицы, бабочки, букашки, жука или какого-либо другого маленького животного, и находится рядом с людьми (*Eisen 1995: 25-30*).

Такое представление о переселяющихся душах наделило в народном восприятии определенных животных и насекомых уважением. Считалось, что «духовных» животных (паук, муравей, бабочка, жук) нельзя убивать, так как вместе с ними можно убить и душу человека. С другой стороны, таких животных можно есть при определенных болезнях или несчастьях (верили, что человек так приобретает их жизненную силу) (*Eisen 1995: 25-30*).

Образ животного связывали с различными болезнями и кошмарами. Люди верили, что у каждой эпидемии есть свой дух-покровитель. К примеру, чума могла передвигаться среди людей как в образе человека, так и животного. (*Eisen 1995: 38*).

Кошмары могли появляться в образе **собаки, кошки, лошади, теленка, мухи, птицы** или любого другого животного (*Eisen 1995: 40*).

Даже у приступов удушья по ночам был свой определенный дух, отвечающий за это. Считалось, что он приходит как к людям, так и к животным. К животным он приходит в виде кошки или собаки (*Eisen 1995: 41*).

Как упоминалось выше, по поверьям окружающий мир был наполнен самыми разными духами. Духи делились по местам их обитания: лес, вода, земля, небо, человеческое жилище (*Eisen 1995: 44-45*).

В лесу духи могли появляться в образах животных подобно волку, медведю или змее, чтобы не пугать людей. Лесные духи являются покровителями и защитниками леса. Самым главным лесным духом является Лесной Отец. Его упоминание можно найти в сказках «Лесной Отец и Лесная Мать» (*Якобсон 1985: 3*). Лесной Отец следит за порядком в лесу, распределяет обязанности среди лесных обитателей и наказывает виновных - как людей, так и животных (*Eisen 1995: 74-75*).

Водные духи могли превращаться в **лошадь**, чтобы заманивать к себе. Для задабривания водного духа моряки обычно бросали в воду овцу, лошадь или петуха (*Eisen 1995: 59-66*).

Считали, что духи ветра появляются в виде **змея** или **птицы**. В виде чайки или коршуна они могли сопровождать корабли. Люди верили, что они предсказывают шторм (*Eisen 1995: 67-68*).

Духи, обитающие под землей, могли принимать образ людей, животных, земноводных. Например, в виде **жабы** дух может принести пользу человеку, если он напоит её молоком. Жаба даст человеку горсть земли, которая позднее превратится в золотые и серебряные деньги. Также считается, что духи земли могут зимовать в доме в виде насекомых (*Eisen 1995: 56-59*).

Духи, обитающие в доме, или домовые, предстают в виде небольших животных: **змея, собака, кошка, петух** (*Eisen 1995*).

Волк

В эстонских сказках волк – самый популярный персонаж. В преданиях к волку также создалось особое отношение. Как в русской, так и в эстонской мифологии, по распространенной легенде черт сотворил волка из глины, но не смог вдохнуть в него жизнь. Бог посоветовал ему сказать заветные слова: «Волк, рви черта!». Как только волк открыл глаза, он стал рвать клыками черта. Черт убежал, и с тех пор волк ненавидит черта и всегда пытается его поймать (*Eisen 1995: 91*). Возможно, на основе этой легенды появилось поверье, что призраки боятся волков. Если призраки услышат, что человек зовет волка на помощь, то сразу исчезают навсегда. Считалось, что ведьмы могли как сами превращаться в волков, так и превращать других людей. Существовал также т.н. «плодовый» волк. Он мог быть как гороховым, бобовым, так и связанным с любой злаковой культурой. Его считали опасным хищником и пугали им детей (*Eisen 1995: 76*).

В поверьях объясняется и появление Ковша Большой медведицы. По легенде волк загрыз вола, тянувшего повозку, тем самым нарушив запрет Небесного Царя. В наказание небесный царь поместил волка на небо вместе с повозкой (*Eisen 1995: 22*).

В эстонской мифологии популярным персонажем является волк, а не медведь. По сравнению с русскими сказками, в эстонских сказках наиболее часто

встречается именно волк, а не лиса. Сведения об эстонских преданиях, связанных с лисой и зайцем, к сожалению, отсутствуют.

Эстонские предания отличаются от сказок набором персонажей. В сказках персонажи представлены более разнообразно. В эстонских преданиях наиболее часто встречаются домашние животные и птицы, насекомые.

Как в эстонской, так и в русской мифологии ярко выражена вера в духов – животных. Духи - животные представлены в основном мелкими животными, насекомыми и птицами.

Контакты культур подтверждают схожие поверья (в частности, о волке). Известно предание в обеих культурах о способе появления волка: он был слеплен из глины. Образ волка в обеих культурах традиционно был связан с нечистой силой. Считалось, что волк имеет покровителя: в русской мифологии – пастырь Юрий, а в эстонской – Лесной Царь.

**АНТРОПОМОРФНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РУССКИХ И
ЭСТОНСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ И ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В
ЯЗЫКЕ (ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ)**

2.1. Русские сказки о животных: основные животные и их антропоморфные характеристики.

В сказках о животных из сборника А.Н. Афанасьева персонажами являются дикие (волк, лиса, медведь, заяц, белка, ёж, мышь и др.) и домашние животные (собака, кошка, свинья, лошадь, козел, баран, коза, корова, овца, бык), а также птицы – как домашние (петух, курица, гусак), так и дикие (журавль, цапля, тетерев, дятел, ворона, орел, сыч, воробей). Также присутствуют сказки о насекомых, ракообразных и земноводных. Дикие животные чаще становятся героями сказок, чем домашние животные и птицы.

Для структурирования анализа сказок мы разделили персонажей на главных и второстепенных. Главными условно обозначены персонажи, являющиеся в сказках инициаторами какого-либо действия, вокруг которых разворачиваются события в сюжете.

Второстепенными персонажами являются герои, находящиеся рядом с главным персонажем, играющие вспомогательную роль в сюжете и не имеющие ярко выраженного характера.

2.1.1. Дикие животные и птицы

ЛИСА

Наиболее часто встречающимся персонажем в русских сказках о животных является лиса. В качестве главного и второстепенного героя она присутствует в двадцати одной сказке (см. Приложение 1.). Персонаж лисы вызывает интерес своей неоднозначностью: несмотря на то, что доминирующей чертой её характера является хитрость, в разных ситуациях она ведет себя по-разному, принимает разнообразные функции. В некоторых сюжетах лису можно охарактеризовать как хитрую, изворотливую, мстительную и корыстную

(«Лиса-исповедница», «Лисичка-сестричка и волк», «Лиса и журавль» и др.). Очень часто она является инициатором обмана, кражи, мошенничества с выгодой для себя. Притворившись мертвой, она добывает себе рыбу («Лисичка – сестричка и волк»), хитростью выгоняет зайца из дома («Лиса, заяц и петух»).

Пересекаясь с миром людей, лиса проявляет себя по-разному: то обманщицей, то помощницей. К примеру, обманом она съедает старухины кости («Лиса – лекарка») или меняет лапоточек (в других вариантах – скалочку) на курочку («За лапоток — курочку, за курочку — гусочку»), но в другом сюжете помогает мужику проучить медведя («Мужик, медведь и лиса»). Проявляя находчивость, лиса быстро реагирует на изменение ситуации и находит решение проблемы.

Практически во всех сюжетах, связанных с лисой, присутствует мотив обмана. Чаще обманщицей выступает сама лиса (например, она хитрит, пытаясь согнать тетерева с дерева, заставив волка целовать капкан или свинью саму съесть свои кишки и т.д.), но также есть сюжеты, когда обманывают уже её (например, человек расплачивается с ней вместо куриц собаками).

В роли жертв обмана лисы чаще всего выступают волк и медведь, реже другие звери и человек. Не всегда лисе удается победить. В «Лисе - исповеднице» она терпит поражение от петуха, который не даёт ей съесть кур. Интересно, что обманутые звери не испытывают к лисе ненависти: «Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка; рвали-рвали видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домам» (Афанасьев 2010: 15), не пытаются мстить и даже не догадываются, что их обхитрили: «Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка «Кум, кум, – толкает волка, это что? От кто съел!» И волк, нечего делать, повинился» (Афанасьев 2010: 15).

Как наиболее антропоморфный персонаж, лиса проявляет себя в различных функциях. В одной из сказок упоминается о лисе как о лекарке: «...Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться» (Афанасьев 2010:50). В других сюжетах лиса является исповедницей («Лиса-исповедница»), плачеей («Лиса-плачеха»), а также повитухой («Лиса – повитуха»). Плачеей или плакальщицей на Руси называли женщин, которые за определенную плату плакали на похоронах или свадьбах (Даль 1996 а). Повитуха – это женщина, помогающая разродиться роженицам (Даль 1996 б).

Оба занятия являются типично женскими, тесно связанными с главными событиями человеческой жизни.

Разносторонность образа лисы проявляется в многообразии её наименований остальными персонажами. В одних случаях её называют то кумушкой, словно признавая духовное родство (*Даль 1996 b*), то лисичкой-сестричкой, лисонькой, Лизаветой Ивановной и даже «премудрой княгиней» (*Афанасьев 2010: 22*), в других она лиска, лисица или «наша дорогая, такая-сякая, немазаная!» (*Афанасьев 2010: 39*).

ВОЛК

Волк является следующим по частоте появления персонажем после лисы. Как главный, так и второстепенный персонаж, волк участвует в семнадцати сказках (см. *Приложение 1*). Чаще всего он играет роль обманутого лисой. Практически во всех сказках волк является второстепенным персонажем, однако есть сказки, где он выступает и как главный герой. В сказках «Волк» и «Волк-дурень» у него противоположные характеры. Если в первой волк по ходу действия приходит и забирает то, что хочет (овцу, жеребца, телку и даже старуху), то во второй он показан как глупый зверь, которого легко обхитрить. Уже из названия сказки видно отношение к самому волку. По сюжету его бьют, пытаются утопить и в конце концов убивают.

В природе волк – это стайной животное, хищник и опасный враг для человека, в сказках же он наивен и глуп. В своей работе В.П. Аникин пишет о том, что глупость волка показывает не столько определенные черты человеческого характера, сколько отношение к такому типу людей (*Аникин 1977:66*). Через насмешку над умственными способностями волка дано отношение к поведению, образу жизни и характерным чертам, которые олицетворяет волк: грубость, жестокость, неблагодарность, жадность. Например, в сказке «Овца, лиса и волк» волк хочет съесть овцу, но попадает в капкан. Это не единственный случай возмездия: в другом сюжете его убивает мужик («Старая хлеб-соль забывается»). Еще в одной сказке он был убит быком и бараном за самонадеянность. («Зимовье зверей»). Его избивают, когда хвост оказывается вмерзшим в прорубь («Лисичка – сестричка и волк»), бьют рогами и обливают водой. Наказание за проступок находит волка всегда, и в этом состоит его существенное различие с лисой (своей хитростью и ловкостью лиса часто

избегает наказания). Сказка «Свинья и волк» показывает жестокость волка: «схватил он свинку за щетинки, уволок ее за тынинки и изорвал» (Афанасьев 2010: 58). Не характерное же в целом для волка стремление помочь другим животным находит свое отражение в сказках «Снегурушка и лиса», в которой он пытался отнести девицу домой, и в «Сказке о козе лупленой», где он хотел выгнать козу из дома. Иногда волк проявляет жалость к лисе и к другим персонажам, зачастую он излишне доверчив: верит в рассказы лисы даже тогда, когда был обманут ею ранее («Лисичка-сестричка и волк», «Лиса-повитуха», «Зимовье зверей»).

В сказках волк имеет разные наименования: куманек, кум, бирюк (т.е. «зверь», «серый» «одиночка» – Даль 1996b: 88).

МЕДВЕДЬ

Медведь появляется в семи сказках как главным, так и второстепенным персонажем (см. Приложение 1). Его основные характеристики – это глупость, неуклюжесть и большая сила.

Медведь – самый сильный лесной зверь, и в сказках постоянно подчеркивается его сила. Медведь ломает или давит все, что попадает ему под ноги (Аникин 1977: 68).

С другой стороны, медведь, как и волк, часто становится жертвой обмана. В этом проявляется его глупость и доверчивость. В сказке «Мужик, медведь и лиса» он расстается с жизнью в результате обмана. В «Зимовье зверей» его избивают.

В некоторых сказках медведь проявляет такие человеческие качества, как сопереживание и желание помочь. Встречая в лесу собаку, он кормит её и помогает вернуться к хозяину («Медведь, собака и кошка»), пытается помочь зайцу выгнать лису из избушки («Лиса, заяц и петух»), предлагает донести Снегурушку до дома («Снегурушка и лиса»).

В сказке о Медведе на липовой ноге мужик отсекает медведю лапу, а затем несёт неотвратимое наказание за оскорбление, умирая от его лап. Здесь сохранились тотемные представления о медведе: тотем неприкосновенен, и любое нарушение запрета карается смертью (Аникин 1977: 48).

ЗАЯЦ

Заяц появляется в русских сказках не так часто. Четыре раза он встречается как главный и второстепенный герой (см. *Приложение 1*). Зайца можно охарактеризовать как слабого и беспомощного персонажа. Народная любовь к слабому, беззащитному проявляется в обозначении зайца «зайчиком». Чаще всего зайца или выгоняют из собственного дома, или используют как посыльного. В назывании зайца другими персонажами проявляется пренебрежительное отношение: «Ступай, косой!» (*Афанасьев 2010: 36*), «Поди-ка сюда, косой черт!», «Ну что, косой пострел, знаешь, где живёт лисица»? (*Афанасьев 2010: 46*).

ДЯТЕЛ

Персонаж дятла присутствует в двух сказках: «Лиса и дятел» и «Собака и дятел». В обеих сказках он является одним из главных персонажей. В сказках описаны две противоположные модели поведения: в первой дятел выступает в роли жертвы обмана (поверил лисе, что она выучит его птенцов ремеслу, и сбросил по очереди их к ней).

В сказке «Собака и дятел» дятел помогает собаке и решительно мстит за смерть своего товарища. В описании процесса мщения сказывается наблюдение за манерой поведения птицы в природе – т.н. «долбление».

ЖУРАВЛЬ

Появляется в двух сказках: «Лиса и журавль», «Журавль и цапля». С одной стороны в этих сказках проявляется перенос на мир животных типичных ситуаций человеческого поведения: приема гостей и сватовства. С другой стороны здесь видна попытка сказителей объяснить поведенческие особенности животных, а именно способ принятия пищи: «Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадет!» (*Афанасьев 2010: 39*).

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Эпизодично (по одному разу) в сказках встречаются **белка** (в качестве жертвы упоминается в сказке «Звери в яме»), **ёж** (проявляет находчивость в «Сказке про однобокого барана»), **мышь** («Терем мухи»). Из второстепенных персонажей-птиц можно назвать **тетерева** («Лиса и тетерев»), **цаплю**

(«Журавль и цапля»), а также **ворону, орла, сыча и воробья** («Орел и ворона»). В последней сказке показан судебный процесс, происходящий в птичьем царстве.

2.1.2. Домашние животные и птицы

СОБАКА

Собака появляется с той же частотой, что и медведь (семь раз) (см. *Приложение 1*). Это самый частотный персонаж из домашних животных. Для собаки характерен мотив изгнания из дома из-за наступившей старости. Приходя в лес, она знакомится с другими животными и птицами, участвует в событиях. В различных сюжетах собака пытается помочь зайцу выгнать из дома лису, побеждает глупого волка, подкармливает кошку. В одной из сказок она привлекается как судья в споре между мужиком и волком. Внешность собаки не описывается, но по обращению к ней других персонажей можно предположить, что почетом и уважением она не пользуется: «Здравствуй, пёстрый кобель!», «Ах ты, мерзкий кобель» (*Афанасьев 2010: 62*), «Что ты, кобель, улёгся здесь?» (*Афанасьев 2010: 66*).

СВИНЬЯ

Встречается в шести сказках как главный и второстепенный персонаж (см. *Приложение 1*). Свинья проявляет доверчивость и глупость: по совету лисы она сама себе разорвала живот и была съедена лисой («Звери в яме»). В другой сказке она представлена как шантажистка «А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню» (*Афанасьев 2010: 73*). В некоторых сюжетах свинья показана трусливым животным, которое пробует откупиться от волка поросятами. Но ей это не помогает, волк съедает свинью («Свинья и волк»). В сказке «Волк - дурень» свинья предстает хитрой и отважной, этими качествами она противопоставлена глупому волку.

ПЕТУХ

Образ петуха не получает цельного оформления так же, как и образы лисы, свиньи или медведя. В разных сказках он проявляет себя по-разному. В сказке «Лиса, заяц и петух» петух ведет себя как отважный герой. В нескольких

сюжетах петух наделяется острым предметом, который он носит на плече: «Идёт опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косою» (Афанасьев 2010: 21), «Идет кочет на пятах, несёт саблю на плечах, идет душу губить — козе голову рубить» (Афанасьев 2010: 70). Наличие косы или сабли, а также воинственное поведение создают образ героя, защитника. В следующей сказке лиса опять оказывается обманутой петухом («Лиса-исповедница»). В другом сюжете петух – это падкая на лесть и любопытная птица, которая не слушает советов («Кот, петух и лиса»). Встречаются сюжеты, где петух шантажом пытается отобрать себе место в избушке: «Непустишь? — говорит петух. — Так я взлечу наверх, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет» (Афанасьев 2010: 73).

Неоднозначность образа можно проследить и в обращениях к петуху: «Петенька, блудник и пакостник» (Афанасьев 2010: 22); «Кикереку-петушок, Золотой гребешок!», «Петя-петушок», «Масляна головка!» (Афанасьев 2010: 42); «кочет» (Афанасьев 2010: 70) т. е. «петух» (Даль в 1996: 181).

КОШКА/КОТ

В сказках появляется редко, но как один из главных действующих героев. По характерной для персонажа хитрости кот напоминает лису. Упоминается как в женском, так и в мужском роде. Как и лиса, кот умеет красиво говорить, лгать и руководить действиями других зверей. В разных сюжетах он выдает себя за бургомистра в лесу, разжигает огонь, столкнув лбами козла и барана, обманывает волков, чтобы не быть съеденным. Мужской образ встречается чаще, чем женский, и более детализирован: «Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козёл да баран, а за ними скачет на трёх ногах кот, серый лоб» (Афанасьев 2010: 50). Как по описанию, так и по обращению к нему, кот вызывает жалость и сострадание: «...а коли вилы в бок — так одному коту Ваське» <...> «...где ни взялся котик-мурлышко, серый лобишко, идет да таково жалостно плачет» <...> «Кот-коток, серенький лобок!» <...> «И опять заплакал кот-мурлышко» (Афанасьев 2010: 50).

Однако в другом сюжете кот имеет совершенно противоположное поведение («Кот, лиса и петух»). Здесь он, скорее, герой и защитник: оберегает петуха от коварной лисы. Возможно, это было сделано для того, чтобы у коварной лисы появился антагонист в виде отважного кота.

КОЗЕЛ/ КОЗА

Козёл является как одним из главных персонажей, так и второстепенным. Во всех сказках он ведет себя по-разному. Где-то он проявляет себя как умный и сообразительный зверь: «Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козёл себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козёл и был таков!» (Афанасьев 2010: 62). В других сюжетах он убегает вместе с бараном и котом, посылает козу за орехами. Коза упоминается в двух сказках. В одной из сказок это любящая мать, защищающая своих козлят («Волк и коза»). В другой сказке коза играет роль отрицательно персонажа, не пускающего зайца в избу (напоминает лису, выгнавшую зайца из избы в сказке «Лиса, заяц и петух»), но здесь козу побеждает и выгоняет из избушки пчела («Сказка о козе лупленой»).

БАРАН /ОВЦА

Баран появляется в трех сказках. Он упоминается и как один из главных героев, и как второстепенный. В сказках описаны противоположные образы – в одной он шантажом проникает в избу к быку: «А коли не пустишь, то я разбежусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее» (Афанасьев 2010: 73), а в другой это напуганный зверь, убегаящий от злых хозяев (Афанасьев 2010: 50) или строящий себе избушку вместе с козлом (Афанасьев 2010:71). Овца встречается один раз как второстепенный персонаж в роли возможной жертвы волка («Овца, лиса и волк»).

РЕДКО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ПЕРСОНАЖИ

Дважды в сказках появляется **бык**: заступником зайца («Лиса, заяц и петух») и строителем лесной избушки («Зимовье зверей»). **Курица** один раз возникает в сказке «Кочет и курица». **Лошадь** один раз пытается рассудить спор мужика и волка («Старая хлеб-соль забывается»). **Корова** является второстепенным персонажем в «Сказке про одного однобокого барана». **Гусь** эпизодически появляется в сказках «Зимовье зверей» и «Сказка про одного однобокого барана».

2.1.3. Насекомые, ракообразные и земноводные

Среди насекомых в русских сказках по одному разу появляются **слепень** («Медведь, лиса, слепень и мужик»), **пчела** (в «Сказке о козе лупленой» она помогает выгнать козу из избы), **паук** (в сказке «Мизгирь» он – главный персонаж, описывается как добрый молодец, победивший мошек, мух и комаров: «Проявился мизгирь, удалой добрый мóлодец, стал ножками трясти да мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки» (Афанасьев 2010: 101)). **Муха и комар** действуют в сказке «Терем мухи» (вариант «Теремка») и «Мизгирь». **Таракан, клоп и сверчок** также появляются в «Мизгире» как помощники паука. По одному разу встречаются **лягушка** («Терем мухи) и **рак** («Лиса и рак»).

2.1.4. Человек

В русских сказках человек выступает как обобщенный образ, не имеющий конкретного имени («мужик», «баба», «старик», «старуха»), тесно связанный с темой домашнего быта. Чаще человек является второстепенным персонажем, хотя иногда выступает и главным героем («Медведь», «Мужик, медведь и лиса»). Часто по сюжету человек проявляет несправедливость, жестокость по отношению к животным. Он убивает лису, помогшую ему («Старая хлеб-соль забывается»), травит её собаками, хотя она честно оплакала старуху и попросила плату («Лиса-плачя»), обманывает медведя, отрубает лисе лапу («Медведь, лиса, слепень и мужик»), добровольно отдаёт волку на съеденье овец, жеребца, телку и старуху («Волк»), выгоняет состарившуюся собаку из дома («Волк-дурень», «Медведь, собака и кошка», «Собака и дятел»). Можно сказать, что в образе человека важен не индивидуальный характер, а общее противопоставление его миру животных.

2.2. Эстонские сказки о животных: основные животные и их антропоморфные характеристики.

В сборнике сказок А. Якобсона персонажами являются дикие (волк, лиса, медведь, заяц, ёж, мышь, лось, косуля) и домашние животные (собака, кошка, свинья, лошадь, козел, баран, коза, корова, овца, бык), а также птицы – как домашние (петух, курица, гусак), так и дикие (журавль, вороны, сова, сыч,

цапля, ворона, воробей). Иногда встречаются насекомые, земноводные, ракообразные, пресмыкающиеся. Дикие животные чаще становятся героями сказок, чем домашние животные и птицы.

Так же, как и для русских сказок, для облегчения анализа и лучшего понимания сюжета сказок мы разделили персонажей на главных и второстепенных.

2.2.1. Дикие животные и птицы

ВОЛК

По сравнению с русскими, в эстонских сказках наиболее часто встречается волк (четырнадцать раз и как главный, и как второстепенный персонаж – см. *Приложение 2*). С одной стороны, как и в русских сказках, волк показан глупым, немного пугливым и доверчивым персонажем. Он чаще всего выступает потерпевшей стороной в проказах лисы. Например, волк доверяет лисе выбор очередной жертвы («Кающиеся грешники»). В другой сказке волку достаются побои хозяина, вызванного лисой («Волк и лиса на свадьбе»). По сюжету еще одной сказки лиса делает волка виноватым в том, чего он не совершал («Лиса, волк и медведь»).

С другой стороны, в отличие от русских сказок, волк в некоторых сюжетах выступает хитрым обманщиком и неблагодарным зверем, отплатившим злом на добро. В сказке «Волк и лось», будучи спасенным лосем из ловушки, волк пытается съесть лося и наказывается за это вероломство. Еще один сюжет связан с тем, что волк обманом проникает в дом к зайцу и не хочет покидать его («Зимние квартиры волка и зайца»). В одной из сказок волк, выполняя волю Лесного Отца, наказывает человека за жадность («Волчья пища»).

Персонаж волка более детализирован, чем в русских сказках, наделен типичными человеческими привычками. Он курит трубку, обращается в «суд», здоровается при встрече: «Подошёл он к нему, поздоровался почтительно и молвил ...», «Поклонился он ещё вежливее и сказал: «Доброго здоровьица...» (*Якобсон 1985: 80*). В одном из сюжетов волк показан как зверь, не умеющий говорить. Проявляя себя заботливым родителем, беспокоящимся о своем ребенке, он зовет на помощь человека: «старый волк со слезами на глазах всё

время поглядывал то на бедного страдающего детёныша, то на бабу и был всё жалобнее и жалобнее» (Якобсон 1985: 92).

Очень часто в эстонских сказках представлено объяснение внешнему виду животного или его поведению в природе. Эти сказки относятся к т.н. «объяснительным преданиям», поясняющим явления окружающего мира. У волка, к примеру, объясняется его внешний вид: «волк до этого был самым нарядным зверем, он был одет – весь, от ушей до пят – в пятнистый костюм, теперь он получил крепкую и прочную рабочую одежду, которая не портится и не рвётся даже в самую скверную погоду» (Якобсон 1985: 96).

ЛИСА

Лиса встречается в эстонских сказках чуть меньше волка – 12 раз (см. Приложение 2). Интересно то, что в сказках встречаются персонажи как женского, так и мужского пола. Например, в сказке «Лис, волк и лошадь» действует персонаж мужского пола. Как и в русских сказках, лиса коварна, хитра и ловка. В одной из сказок она коварно меняет мешок с костями на белую лошадь («Лисьи деньги»). В других сюжетах лиса угрожает и требует плату за аренду вил свившей там гнездо вороне; забирается в чулан и съедает там все запасы сливок; обманом забирает у осины ее глаз; плутовством выставляет виновным в краже масла волка.

Другие звери признают хитрость и сноровку лисы: «Нет, ты ступай вперед, ты ведь похитрей и поизворотливей! – ответил медведь» (Якобсон 1985: 74). В сказках лису нередко называют прозвищем «куроедка». Можно предположить, что это один из моментов типизации образа лисы как воровки.

Антропоморфность образа лисы проявляется в наделении её типичными для человека деталями одежды: «...а из норы выглядывает сама Патрикеевна в чепчике из куриного пуха» (Якобсон 1985: 3); «Лиса сразу повесила себе на шею бляху ...» (Якобсон 1985: 74), «Лиса решила начать жить так, как люди живут» (Якобсон 1985: 59). По сравнению с русскими сказками, в эстонских образ лисы (и других животных) представлен более детально.

Так же как и с волком, с персонажем лисы связано много объяснительных сюжетов: в сказках присутствует объяснение внешнему виду лисы, а именно её шерсти: «...у лисы были раньше полосатые сюртук и брюки, теперь она

получила одноцветную одежду из гораздо более дорогой шерсти» (*Якобсон 1985: 96*); её черным усам: «При этом лиса опалила свои длинные усы. Еще до сегодняшнего дня они у неё черные: обгорели!» (*Якобсон 1985: 59*) и белому кончику хвоста: «...осина пустилась бежать за лисой. Но так как глаз у неё не было, ей удалось лишь на миг схватить лису за хвост. С этого дня у лисы кончик хвоста белый» (*Якобсон 1985: 48*).

МЕДВЕДЬ

Практически так же часто, как и волк, от обмана лисы страдает медведь. Это персонаж появляется в девяти сказках и как один из главных героев, и как второстепенный (см. *Приложение 2*). По мнению исследователя В.П. Аникина, зачастую в сказках о животных более крупное животное изображается как более глупое. Нельзя сказать, что это очевидно в отношении медведя в эстонских сказках. С одной стороны, медведя могут ласково называть другие животные «папаша-медведь», а с другой он является жертвой обмана («Лиса, волк и медведь»). Вероятно, из-за больших размеров в нескольких сказках медведь выступает в роли представителя «судебной власти»: «Медведь был добрым господином, сел в коляску и поехал творить суд праведный» (*Якобсон 1985: 37*); «Волк и лось до вечера бродили по лесу, искали-искали, нашли наконец третьего: папаша-медведь» (*Якобсон 1985: 72*). Наделение медведя чертами человека проявляется в сказке «Лось и волк»: «папаша-медведь, ворча, шёл в деревню, чтобы добыть немножко мёда своей молодой жене» (*Якобсон 1985: 72*).

Интересно также то, что в эстонских сказках медведь иногда показан как хвастливый персонаж: «Медведь пошёл на человека, хвастливо думая: "С комаром-то ты справишься, я же задеру тебя как ни в чём не бывало!"» (*Якобсон 1985: 88*).

Объяснение поведения и внешнего вида медведя присутствует в нескольких сказках: «Не бывать больше миру между нашими родами – тебя я сам прикончу, твоим ягнятам мои сыновья свернут шеи. Так оно и вышло: где бы ни увидел медведь овцу или ягнёнка, тут же бросается на добычу». (*Якобсон 1985:90*); «у медведя был раньше пышный светло-жёлтый тулуп, теперь ему дали скромный коричневый, который не только от мороза спасает, но и плохо виден охотнику...» (*Якобсон 1985: 96*).

ЗАЯЦ

Заяц присутствует в восьми сказках как один из главных и как второстепенный персонаж (см. *Приложение 2*). Он во многом напоминает персонажа из русских сказок – показан немного пугливым зверем. Отличает же его от русского собрата лень. В нескольких сказках дано объяснение анатомическому строению заячьей губы: «Отвесила она глубокий поклон и принялась просить так душераздирающе, что у зайца за кустом от злорадного смеха губа разорвалась», «Заяц хотел было крикнуть из-за куста, чтоб осина не верила лисьим словам, но не смог – губа разорвана» (*Якобсон 1985: 48*)). Одна сказка так и называется: «Почему у зайца губа разорвана»: «И всё заячье племя смеялось долго-долго, пока каждый не дохохотался до того, что у него губа разорвалась. Так это осталось и поныне – порванная губа больше не срастается» (*Якобсон 1985: 95*). Примечательно также, что это единственная сказка, где описано собрание сообщества зайцев, которое принимает различные решения.

В сказках объясняются также повадки и внешний вид зайца: «С той поры питается заяц главным образом осиновой корой. Грызёт её со слезами и думает о своём легкомысленном поступке. Липу он больше не трогает, так как песок под корой тупит ему зубы» (*Якобсон 1985:93*); «А заяц стал отсыпаться под стогом, не обращая внимания на ветер и вьюгу. Так и живёт он в своём старом тулупе по сей день» (*Якобсон 1985: 96*).

Пример антропоморфизма можно найти в сказке «Зимние квартиры волка и зайца»: «Квартиры обоих друзей были почти рядом, и всю зиму они ходили друг к другу в гости – подымить трубками и поговорить вволю о том о сём» (*Якобсон 1985: 70*).

МЫШЬ

Упоминается в нескольких сказках (см. *Приложение 2*). Персонаж мыши антропоморфен и показан в быту: мышь платит за квартиру, засеивает и обрабатывает овсяное поле. В другом сюжете она проявляет себя как неразумное животное, при этом дается объяснение, почему кошка ловит мышей: «Дело в том, что случилось большое несчастье: мыши за это время забрались на печь, грамотку сгрызли, а огрызки стащили в нору – детишкам на постель. После этой истории кошка на мышей очень рассердилась. Она начала ловить их и ловит до нынешнего дня» (*Якобсон 1985: 109*).

РЕДКО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ПЕРСОНАЖИ

Ёж представлен в двух сказках: в одной из них он показан таким, какой он есть в природе: хищником, поедающим насекомых («Как ёж жука жарил»). В другой сказке фырканье ежа объясняется его презрением к людям («Почему ёж фыркает»). Одни раз в качестве потенциальной жертвы волка упоминается **лось**. («Волк и лось»). **Косуля** упоминается в одной сказке, по жанру близкой к объяснительным переделаниям («Почему собаки не любят козуль»).

Очень разнообразно в эстонских сказках представлен птичий мир. Эпизодично встречаются **цапля** и **глухарь** («Лесной Отец и Мать»). По одному разу упоминаются **скворец** (из-за своей доверчивости он обманывается лисой в сказке «Кающиеся грешники») и **соловей** (в противоположность скворцу он представлен как хитрая и умная птица, обманувшая змею – «Соловей и медянка»). Несколько раз в сказках возникает **воробей**. Как птица, обитающая рядом с человеком, воробей показан в бытовых занятиях: подражая человеку, он наивно пытается сварить квас из одного зерна («Воробей готовит квас»), а также помогает мыши с выращиванием урожая («Мышь и воробей»). **Синица** является невестой в комической сказке «Ворон сватается к синице». **Сыч** встречается в одной сказке, где объясняется, почему он вьёт гнездо в траве («Ленивый сыч»). **Сова** также представлена в одном объяснительном сюжете, где разъясняется своеобразие её «песни» («Как совы учились петь»). **Тетерев** появляется дважды: эпизодично («Лесной отец и мать») и как один из главных персонажей, антагонист волка («Волк и тетерев»). **Ворон** появляется как в мужском, так и в женском образе. С этой птицей связан мотив женитьбы («Женитьба ворона», «Ворон сватается к синице»). В одной из сказок ворона проявляет себя как глупая и пугливая птица, жертва обмана лисы («Ворона и лисица»). С одним из сюжетов о вороне связано объяснение, почему он не улетает в теплые страны («Почему ворон не улетает на зиму»).

2.2.2. Домашние животные и птицы

ЛОШАДЬ

В отличие от русских сказок, где лошадь играет второстепенную роль, в эстонских сказках она упоминается несколько раз и как главный персонаж, и

как второстепенный (см. Приложение 2). Значимость персонажа проявляется в ласковых и уважительных обращениях к ней: «кумушка», «сестрица» «лошадушка», «меринок».

В одних сказках лошадь поступает как сильное, мудрое и умное животное («Комар и лошадь»). В сказке о воробье, который готовит квас, она одна даёт правдивый ответ, когда другие животные не захотели расстраивать воробья: «Лошадь пила долго, большими глотками, наконец, подняла голову, пофыркала и сказала: «На вкус недурно. Но только это не квас» (Якобсон 1985: 33). В нескольких сюжетах лошадь проучивает волка («Лис, волк и лошадь», «Ох-ох, ох-ох, бараний рог»). В сказке «Почему лошадь всегда ест» представлен объяснительный сюжет повадок животного. В сюжете о помещицье и крестьянской лошадей животное наказывается за гордыню («Помещицья лошадь и крестьянская»).

СОБАКА

Персонаж собаки неоднозначен: характер наиболее близкого человеку животного показан с разных сторон. В отличие от русских сказок, в эстонских сказках мотив старости собаки описывается не так часто. В сказке «Волк и Карья-Эку» старый пес снова завоевывает доверие хозяина, но проявляет себя как неблагодарный зверь по отношению к волку. В одном сюжете собака предстает как защитник зайца («Зимние квартиры волка и зайца»). Еще в нескольких сказках собаки ведут себя как злые, жестокие звери: «Но собаки охотника были гораздо злее самого охотника – с досадой они увидели, что добыча уходит, покрались следом» (Якобсон 1985: 107). В другой собаки стали обижать других зверей, и на них подали жалобу Лесному Отцу. В сказке дано объяснение, почему собаки обнюхивают друг друга при встрече и часто лают на кошку («Кошка, собака и мышь»).

КОШКА

Персонаж кошки появляется в четырех сказках как главный и второстепенный персонаж. Кошка показана умным и хитрым хищником, проявляющим свою находчивость («Кающиеся грешники»). В одном из сюжетов кошка пытается помочь зайцу выгнать волка из домика («Зимние квартиры волка и зайца»). С

кошкой связан один объяснительный сюжет: проясняется, почему кошка поссорила с мышами и собаками («Кошка, собака и мыши»).

РЕДКО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ПЕРСОНАЖИ

Бык упоминается в сказке, объясняющей, почему лошадь всегда ест. Он проявляет себя как угрюмый, немногословный, но сострадательный персонаж, награжденный Лесным Отцом за отзывчивость («Почему лошадь всегда ест»). Персонаж **овцы** встречается в одной сказке как один из главных персонажей. В отличие от русской сказки, где овца показана как пугливое животное, в эстонской сказке она намного воинственнее (насмехается над медведем – «Медведь и овца»). В противостоянии хищника и травоядного овца побеждает. **Свинья** упоминается в одной сказке как смысленый и находчивый персонаж. («Ох-ох, ох-ох, бараний рог»). **Курица** упоминается в одной сказке как один из главных действующих персонажей. Среди ее качеств характера выделены любопытство и рассудительность. («Курица и таракан»). **Баран** появляется в сказке «Ох-ох, ох-ох, бараний рог» как антагонист волка, одержавший над ним победу. **Утка, гусь** и **индюк** действуют в объяснительной сказке «Почему у индюка голова красная». Дважды в эстонских сказках появляется **петух**. В одной сказке, как и в русском сюжете, он является защитником и помощником зайца («Зимние квартиры волка и зайца»). В другом сюжете его роль эпизодична («Волк и Карья-Эку»).

2.2.3. Насекомые, земноводные, ракообразные, пресмыкающиеся

Комар в эстонских сказках наделен наглостью, самоуверенностью, хвастовством («Комар и лошадь», «Почему медведь боится человека»). Встречается как мужской, так и женский персонажи. **Муравей** показан работягой, жалующимся Деду-Грозовику на человека («Муравей и паук»). **Жук** представлен в двух сюжетах: в одном он хитер и предприимчив, хитростью спасается от ежа («Как ёж жука жарил») В другой сказке он занимает у батрака копейку, чтобы заплатить за квартиру («Мышь, рак и жук»). **Таракан** как жертва курицы появляется в одной сказке («Курица и

таракан»). **Паук** действует в одном сюжете, где объясняется его способность плести паутину («Муравей и паук»). В одном из сюжетов представлен **рак** («Мышь, рак и жук»). Среди земноводных встречается **лягушка**. В отличие от русских сказок, в эстонских лягушка проявляет себя достаточно ярко. В сказке «Хитрая лягушка и тщеславная цапля» её образ антропоморфен: лягушка «вышла погулять на берег пруда» <...> «отвесила глубокий поклон» <...> «...держа над головой зонтик, снова вышла погулять на берег», <...> «гуляла-гуляла, кокетливо перебирая лапками» <...> «вспотела от страха» <...> «надела она длинное платье» (Якобсон 1985: 22). По сюжету сообразительная лягушка обхитрила цаплю и осталась жива. В другой сказке лягушка показана как большая выдумщица («Свадебный пляс лягушки»). Наконец, из пресмыкающихся в сказках появляется **медянка**: в сюжете дано сказочное пояснение, почему эта змея разоряет в природе гнезда соловья («Соловей и медянка»).

2.2.4. Лесной Отец, Лесная Мать

Это персонажи, отражающие анимистические представления народа. Их образы достаточно детально выписаны: показана внешность, занятия, быт. «В доме была просторная комната, в комнате стоял большой стол, за столом сидели дед да баба. У деда была борода из настоящего мха, одежда из настоящей коры, лапти на ногах из настоящей травы. Баба пряла светлую пряжу, а на ткацком станке была ткань, похожая не на материю, а на чистую, тонкую бересту» (Якобсон 1985: 3). В основном Лесной Отец выполняет функцию судьбы, – он разрешает споры и наказывает провинившихся людей и животных. Также он следит за порядком в лесу, устройством всего животного царства: «У Лесного Отца в то время был полон рот хлопот: надо было просить солнце помогать птенцов высиживать, надо было наказывать лесным зверям, чтобы они не обижали их, надо было смотреть за заморозками, которые ещё поздней весной забирались ночью в лес, угрожая его пернатым питомцам» (Якобсон 1985: 31). Он выдает новые шкуры диким животным («Почему заяц не боится холода»). Это образ высшей силы, покровителя диких животных, птиц и насекомых. Домашние животные и птицы не признают его власти: «разрешение Лесного Отца не в счёт, я не из леса родом, мой дом в деревне» (Якобсон 1985: 80). Также олицетворение различных сил

природы проявляется в образах **Деда - Грозовика** («Муравей и паук», «Волчья пища») и **Мороза** («Почему заяц мороза не холода»).

2.2.5. Человек

В эстонских сказках человек активно взаимодействует с миром животных: одалживает деньги на оплату квартиры («Мышь, рак и жук»), помогает волчонку вытащить кость из пасти («Благодарные звери»), меняет лошадь на мешок с костями («Лисьи деньги»). Человек нередко является причиной, почему персонажи в сказках получают свои особенности внешности или поведения: «Теперь при виде людей ёж всегда сердито фыркает: ведь именно из-за них утратил он проворство ног и остроту ума» (Якобсон 1985: 13). Именно человек покрасил голову индюка красной краской («Почему у индюка голова красная»). В сказке «Новые глаза лисы» человек забросил лису в воду на камень, с этого начинается история. На свадьбе у людей совы выучились петь («Как совы петь учились»).

В разных сказках человек может быть как пугливым, принявшим волка за домового («Лиса и волк»), так смелым и воинственным («Почему медведь боится человека»), а также добрым и сострадательным («Почему собаки не любят козуль»).

В отличие от русских сказок, где человек дан как обобщенный образ, в эстонских сказках образ человека показан более детально, через быт. Герои живут на хуторе, празднуют Иванов день, угощают на свадьбе кровяной колбасой, носят типично эстонские имена (Тийу, тетка Кадри).

2.4. Выводы

В русских народных сказках животные персонажи разнообразны, но только некоторые из них обладают характером (лиса, волк, медведь, заяц, петух). Характеры персонажей проявляются в их действиях, реже в речи (лиса). Любое действие главных героев сказки несет на себе печать их образа. Например, лиса, незаконно присвоившая себе рыбу – обманщица, а петух, спасший зайца – защитник и герой. Однако в других сюжетах действия могут быть кардинально противоположными, и характер уже будет другим. Большинство русских

народных сказок имеют ритмически организованное начало и концовку, иногда с четко сформулированной основной мыслью. Многие сюжеты построены на троекратном повторении одного действия («Кот, петух и лиса», «Лиса-повитуха» и т.д.).

В некоторых сказках просматривается иерархия человеческих взаимоотношений. Например, сказка «Орел и ворона» воссоздает картину древнерусского суда. Нередко в сказках проявляется старый быт и система взаимоотношений. Сказка «Журавль и цапля», может рассматриваться и как пример антропоморфизации (мотив сватовства), и как образец воссоздания быта (невесту находят по близости, в первую очередь оценивается материальное положение, способность прокормить семью).

В эстонских сказках персонажи более разнообразны, включают не только диких (волк, лиса, медведь, лось, заяц, мышь, ёж, косуля) и домашних животных (лошадь, собака, кошка и т.д.), но и птиц (ворон, курица, воробей, сова, сыч, ворона, ворон, синица, цапля, журавль), насекомых (муравей, паук, комар, таракан), земноводных (лягушка), ракообразных и пресмыкающихся (медянка). Нередко главными персонажами становятся мелкие животные и насекомые (в русских сказках они появляются значительно реже). Особенно разнообразны представители птичьего царства.

В отличие от русских сказок, в эстонских зачастую появляются заступники зверей и птиц: Лесной Отец и Дед-Грозовик. Это образы, выполняют роль хранителей леса, судей и покровителей лесных зверей и птиц. Они могут наказывать как провинившегося человека, так и животного, разрешать споры между животными и следить за порядком в лесу. Как и в русских сказках, в эстонских преобладают персонажи диких и домашних животных, птиц. В некоторых эстонских сказках подчеркнута принадлежность к какой-либо местности в Эстонии: «ворон из Харьюмаа посватался к вороне из Ярвамаа» (*Якобсон 1985: 28*), «На Мунамяги забыла, надо сходить за ними» (*Якобсон 1985: 48*), «И нашла она своих друзей лишь на третий день в Вильяндимаа у ручья Синиалликас, где они жажду утоляли» (*Якобсон 1985:74*). При обращении друг другу животные используют человеческие наименования «сударыня», «кумушка», «кум», «дружище», «сестрица», «подружка».

Один из самых первых признаков антропоморфизм в сказках о животных – персонажи говорят и действуют как люди. Однако в эстонских сказках в

действиях персонажей гораздо сильнее, чем в русских сказках, проявляются признаки антропоморфизма животных и их детализация. Например, животные носят предметы людского гардероба: «Лиса вежливо приподняла шляпу ...» (*Якобсон 1985: 48*), платят за квартиру («Мышь, рак и жук»), сватаются друг к другу («Женитьба ворона», «Ворон сватается к синице»), курят трубку: «Волк тотчас выбил пепел из трубки и сделал то, что просила лиса» (*Якобсон 1985: 51*), считают деньги («Лисьи деньги»), разбирают дела в суде («Волк и Карья-Эку») или хотят стать людьми: «Она попыталась ходить на двух ногах, купила себе в лавке кривую трубку с медными кольцами и большую синюю пачку очень крепкого листового табаку. Потом она села в кресло, нога на ногу, и принялась дымить трубкой» (*Якобсон 1985: 59*).

Как и в русских, в эстонских сказках достаточно много бытовых сюжетов (женитьба, посев, поход в трактир, изготовление кваса и т.д.) и наблюдений за повадками зверей.

В эстонских сказках основная мысль может быть ярко выражена и прописана в конце сказки: «И ты тоже заживёшь на славу, если у тебя будет такое же доброе сердце, как у этого батрака, который дал мышке одну копейку, раку – вторую копейку и жуку – третью, последнюю, которая у него была» (*Якобсон 1985: 25*).

Во многих эстонских сказках, в отличие от русских сказок, уже в самом названии есть вопрос, на который дается ответ в содержании. Большинство таких сказок с вопросом в названии дают объяснение природным явлениям, особенностям поведения и внешнего вида животных и птиц в природе. Почти во всех объяснительных сюжетах действует Лесной Отец. Закономерностью является то, что в таких сюжетах появляются животные и птицы с ярко выраженной особенностью внешности или поведения (ёж, сыч, сова, индюк).

2.5. Общие сюжеты русских и эстонских сказок о животных: сопоставительный анализ

2.5.1. Сопоставительный анализ эстонской сказки "Зимние квартиры волка и зайца" и русской сказки "Лиса, заяц и петух"

Согласно миграционной теории, сюжет и мотивы мигрируют от народа к народу. Благодаря географической близости эстонский и русский фольклор обогатился вследствие контакта культур.

«Несомненно, миграции сюжетов благоприятствовали и различные передвижения народов, войны, эмиграция и иммиграция» (*Аннист и др. 1980: 232*). Во время военной службы солдаты знакомились со сказками разных народов, а возвращаясь, пересказывали их дома. На передвижение сказок влияли и люди, чья профессия была связана с долговременными поездками. Например, купцы (*Аннист и др. 1980: 232*).

Общность сюжета и национальные различия мы покажем на примере эстонской сказки "Зимние квартиры волка и зайца" и русской сказки "Лиса, заяц и петух".

Эстонская сказка "Зимние квартиры волка и зайца" и русская сказка "Лиса, заяц и петух" представляют собой обработку одного сюжета о том, как зайца выгоняют из дома. В русской сказке действующими героями являются лиса, заяц, петух, а второстепенными – собаки, бык и медведь. В эстонской сказке главными персонажами являются волк, заяц и петух. В качестве второстепенных персонажей выступают собаки и кошка. В обеих сказках дикие животные тесно взаимодействуют с домашними. Сюжет схож: хищник выгоняет из законного жилья слабого травоядного животного. Различия хорошо заметны в образах героев. В эстонской сказке антагонистом зайца является не лиса, а волк. Эстонская сказка более детально показывает взаимоотношения волка и зайца, что не типично для русской сказки: «Квартиры обоих друзей были почти рядом, и всю зиму они ходили друг к другу в гости – подымить трубками и поговорить вволю о том о сём» (*Якобсон 1985: 70*). В отличие от русской сказки, заяц в эстонском сюжете не плачет и не боится волка: «он не был ещё трусишкой. Он рассердился, топнул ногой и крикнул волку, чтобы тот уходил своей дорогой» (*Якобсон 1985: 70*). В русской сказке заяц является слабым персонажем, которому явно нужна защита: «идёт дорогой зайчик

да плачет» (*Афанасьев 2010: 21*). В русской сказке сюжет строится на кумуляции (троекратное повторение). По сюжету заяц идет и плачет, и каждый встречаемый им зверь безуспешно пытается выгнать лису, пока это не удастся петуху. В эстонской сказке троекратный повтор присутствует на уровне деталей (у волка промокла сначала шерсть, затем шкура, а потом кости).

Образ волка в эстонской сказке сложнее, детальнее прописан, чем образ лисы в русской сказке. Его поведение более последовательно и логично. Сначала волк выглядит отчаявшимся и робким: «и пошёл тогда бедняга, совсем отчаявшись» (*Якобсон 1985: 70*). Когда заяц впускает волка к себе в дом, его поведение кардинально меняется: «заорал вдруг совсем иным голосом» (*Якобсон 1985: 70*). Таким образом, психология хищника показана достаточно ярко.

Можно сказать, что обе сказки - со счастливым для зайца концом, но если в эстонской сказке волка прогоняют, то в русской лису петух зарубил.

При сравнительном анализе были выявлены характерные национальные особенности. Эстонской сказке национальный колорит придает детализация пейзажа и персонажей (внешность), отсылка к преданиям «Но в те времена он не был ещё трусишкой» (*Якобсон 1985: 70*). Национальная специфика выражается и в стиле речи волка и зайца: «заходи, дружок», «лодырь, не зевай», «вот увидишь – слезу и сверну тебе шею» (*Якобсон 1985: 70*). Национальный колорит русской сказки присутствует в самом художественном стиле. Это и традиционный зачин, и концовка сказки («Жили-были...», «Вот тебе сказка, а мне кринка масла»). Типично русский фольклорный характер носят ритмичные обороты речи главных персонажей, обращенные друг к другу: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» <...> «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» <...> «он её зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать» (*Афанасьев 2010: 21*). Заяца в русской сказке называют «зайчиком», тогда как в эстонской его именуют «зайцем».

2.6. Закрепление антропоморфных характеристик животных в языке (на основе фразеологизмов)

Образы животных и птиц присутствуют как в народных сказках, так и в речи. Мы упоминаем животных, когда используем в своей речи метафоры, фразеологические обороты, пословицы, поговорки и т.п.

В данной главе мы проведем анализ выявленных антропоморфных характеристик в сказках о животных с лингвистическим материалом, а именно фразеологизмами. Целью данного анализа является возможность проследить, какие антропоморфные характеристики закрепились в языке, а какие нет, и насколько они различаются.

Фразеологические выражения, включающие в себя названия животных, обычно служат в качестве оценочного определения человека - как его внешности, так и внутренних качеств. В разных языках подобное оценивание может иметь как сходства, так и различия (*Бичер 2016: 25*).

Ареал обитания одного и того же вида животного или птицы может быть достаточно широк. Однако один и тот же вид животного, обитающий на территории разных народов, имеет разное название и у каждого народа свое отношение к этому животному.

Базу исследования составили материалы, полученные путём сплошной выборки из *Школьного фразеологического словаря В.П. Жукова*, а также фразеологического словаря *Fraseoloogiasõnaraamat A. Õim*.

Фразеологические обороты обладают такими признаками, как устойчивость, воспроизводимость, целостность значения и расчлененность состава, незамкнутость структуры и т.д. (*Жуков 1994: 3*). Большинство «фразеологических оборотов имеет строго устойчивый порядок расположения компонентов. Но есть и такие фразеологизмы, которые допускают относительно свободную перестановку компонентов» (*Жуков 1994: 16*). До сих пор нет единого мнения, включать ли в состав фразеологических единиц пословицы и поговорки (*Бичер 2016: 32*). Исходя из этого, в работе мы решили не использовать пословицы и поговорки.

Фразеологический словарь А.Õim и словарь В. П. Жукова включают в себя фразеологические обороты, допускающие относительно свободную перестановку компонентов. Этот момент чрезвычайно важен для нашего исследования т.к. из идиоматических выражений гораздо сложнее вычленить образ животного и объяснить его специфику.

Фразеологический словарь А. Õim содержит более 7500 выражений, в том числе книжные, разговорные, устаревшие или вульгарные выражения, а также различные обобщения и «штамповые» выражения (*Õim 2000*). Словарь включает в себя как идиомы, так и сравнительные обороты. Это единственное наиболее полное собрание фразеологических оборотов на эстонском языке.

Школьный фразеологический словарь В.П. Жукова включает в себя фразеологические обороты, в основном представленные в художественных и публицистических текстах. В словарь не были включены крылатые изречения, поговорки, пословицы, устаревшие фразеологизмы, вульгарные и просторечные выражения, а также специфические словосочетания (*Жуков 1994: 7*). Особое внимание было уделено фразеологизмам из школьной программы, что делает словарь актуальным и полезным для нашего исследования. При выборке зооморфизмов мы учитывали их наличие в сказках о животных.

С теоретической точки зрения сопоставительный анализ фразеологических оборотов помогает более глубоко изучить особенности сформировавшихся антропоморфных представлений, закрепившихся не только в сказках, но и в языке. С практической точки зрения такой сравнительный анализ поможет учителю расширить контекст изучения сказки на уроке.

Вопросом изучения антропоцентрической метафоры в русском и эстонском языках занимались Т. Троянова и Р. Пейбонен. Т. Троянова рассмотрела и проанализировала на основе имен существительных перенос значений, связанных с человеком. Р. Пейбонен методом анкетирования по зооморфным метафорам изучала метафору, характеризующую человека в русской и эстонской разговорной речи. Респонденты в анкете соотносили качества характера человека с представителями животного мира.

Оба автора убедительно доказывают важность использования выражений, в которых присутствуют животные – будь то ласковое наименование или устойчивое сочетание, характеризующее человека.

Как уже было отмечено, человек издавна ассоциировал себя с животным миром. Зооморфные и антропоморфные характеристики являются двумя сторонами одного явления, а именно сравнения человека с животным и животного с человеком.

Как отмечает Т. Троянова, переносные значения зоонимов – это уже определенным образом сформировавшиеся антропоцентрические метафоры. Образы, лежащие в основе метафор, формировались продолжительное время и устойчиво закреплялись в фольклоре (например, в сказках о животных), а также нашли свое отражение в языке обоих народов (Троянова 2003: 77).

Однако исследований фразеологизмов, связанных с животными, нам не известно. Во фразеологизмах, как и в сказках, отражена национальная специфика, самобытность, исторический опыт народа, а также в них закрепились представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность.

2.6.1. Образы животных в русских фразеологизмах

Как уже упоминалось ранее, у человека всегда присутствовала тесная связь с животным миром. Животные как помогали человеку, так и наводили на него страх. Люди отождествляли себя с животными и приписывали им человеческие качества – чаще всего отрицательные (трусость, жадность, лживость и т.д.) Животное становилось символом, «носителем» этого качества, что отражалось в дальнейшем на его восприятии. Образ, характеризующий животное, формировался под влиянием различных поверий и суеверий.

Одним из самых мифологизированных животных в народном творчестве является **волк**. Примечательно, что, как и в сказках, сочетания со словом «волк» носят как негативную, так и позитивную окраску: «волк в овечьей шкуре» в значении «лицемер», «морской волк» в значении «опытный, испытанный моряк». Неблагополучные жизненные ситуации человек связывает с образом волка. К примеру, «волком выть (взвыть)» – горько жаловаться на лишения, страдания; «хоть волком вой» – создается трудное, безвыходное положение; «с волками жить – по волчьему выть» – поступать так, как все;

«волчьи законы» (Жуков 1994). Негативные качества, отраженные волком в сказках, отмечены также и во фразеологизмах. Физическое и эмоциональное состояние человека описывают такие фразеологизмы, как «пожалел волк кобылу» (коварство), «волчий аппетит» (жадность), «голодный как волк», «волчья хватка». Во фразеологических сочетаниях и сказках отсутствует почтение и страх перед волком, зафиксированные в преданиях.

В мифологии славян **заяц** связан с нечистой силой. По поверьям облик зайца иногда могут принимать колдуны и ведьмы, а в черного зайца иногда превращается домовая (Петрухин и др. 1995: 190).

Однако в народном представлении образ зайца является олицетворением трусости: «дрожать как заяц». В устном народном творчестве заяц описывается с симпатией. В сказках и во фразеологии заяц выступает синонимом трусливого, робкого поведения: «заячья душа», «труслив как заяц». За зайцем все время кто-то гонится: «гонять (гнаться) за двумя зайцами», «погнаться за двумя зайцами» (стремиться выполнить сразу два разных дела), «убить (убивать) двух зайцев» (сразу выполнить два нужных, и важных дела) (Жуков 1994).

Еще один не менее известный персонаж, широко представленный в сказках о животных – это **лиса**. Лису в сказках именуют по-разному, но одно из наименований превратилось в устойчивый фразеологический оборот, а именно: Лиса Патрикеевна. Как и в сказках, это синоним хитрости и изворотливости: «лисой пройти», «лисой прикидываться (о корысти и покорности)» (Жуков 1994).

Одним из главных персонажей в мифологических представлениях о животных является медведь. **Медведь** по антропоморфным характеристикам наиболее близок к волку (Петрухин и др. 1995: 255). Возможно, поэтому в сказках волк и медведь часто взаимодействуют друг с другом и вместе противопоставляются лисе.

Во фразеологических оборотах медведь характеризует различные качества человека, преимущественно отрицательные: «медведь на ухо наступил» (у кого-либо нет музыкального слуха); обозначает какое-либо действие: «делить шкуру убитого медведя» (заранее делить прибыль в еще не осуществленном деле), «смотреть медведем», «медвежья услуга», «сосать лапу» (1. скудно питаться,

голодать. 2. не предпринимать решительных действий, бездействовать) или обозначает географическое положение: «медвежий угол» (глухая, отдаленная провинция) (Жуков 1994).

Из диких животных как в сказках, так и во фразеологических сочетаниях упоминаются **белка** – «вертеться (кружиться) как белка в колесе» (находиться в беспрестанных хлопотах, суетиться); **ёж** – «держат в ежовых рукавицах» (очень строго, сурово обходиться с кем - либо); **мышь** – «мышьяная возня» (мелочные, бесполезные хлопоты, дела, занятия и т.п.) (Жуков 1994).

Домашние животные, представленные во фразеологических оборотах, также перекликаются с образами, созданными в сказках о животных.

Конь и **корова** в мифологии – особо почитаемые и требующие защиты мифологизированные животные (Петрухин и др. 1995: 228-229). Однако в сказках они зачастую представлены как второстепенные персонажи.

Во фразеологических же оборотах **конь** упоминается для обозначения тяжелой физической работы («конь (еще) не валялся», «устал как лошадь», «укатали сивку крутые горки», «ломовая лошадь», «работать как лошадь») или для характеристики человека («врет как сивый мерин», «глуп как сивый мерин», «не в коня корм», «ни тпру ни ну», «оседлать (своего любимого) конька», «прибирать (прибрать) вожжи к рукам», «садиться (сесть) верхом», «темная лошада», «лошадиная доза», «лошадиное здоровье», «пить (ржать) как лошадь») (Жуков 1994).

Корова упоминается в сочетаниях, имеющих пренебрежительную, насмешливую окраску: («идет) как корове седло», «как корова на льду», «чья бы корова мычала, а наша молчала», «дойна корова») (Жуков 1994). Корова в них выступает не как объект поклонения, а как насмешка над внешним видом человека.

Еще одно животное присутствующее как в сказках, так и во фразеологических сочетаниях – это **козёл**. В сказках козёл является как одним из главных персонажей, так и второстепенным. Во всех сказках он ведет себя по-разному: где-то как умный и сообразительный зверь, а где-то как трусливый и глупый зверь. Во фразеологических выражениях козёл представлен в негативном свете: «пользы, толку, корысти и т.п. как от козла молока» (совсем никакой); «лупить как сидорову козу (как сидоровых коз)» (жестоко, безжалостно), «козел

отпущения» (человек, на которого сваливают все грехи и проступки других), «на козе не подъедешь к кому-то» (невозможно к кому-либо обратиться), «отставной козы барабанщик» (человек, занимающий невысокое положение в обществе), «пускать (пустить) козла в огород» (допускать кого-либо туда, куда стремится и где он более всего опасен), «козья ножка» (для обозначения сигареты – самодельная папироса, свернутая в виде воронки и согнутая пополам) (Жуков 1994).

Собака издавна считалась другом человека. В сказках собака является самым частотным персонажем по появлению в сюжетах о домашних животных. Примечательно, что в сказках и во фразеологических выражениях, в большинстве своем, собаке даются нелестные характеристики. Это, например, жадность («как собака на сене»), лень («собак гонять»), враждебность («вешать (навешать) собак на кого», «жить (прожить) как кошка с собакой»), неприкаянность («нужен как собаке пятая нога»), злость («гонять как собак» и «злой как собака»), ощущение холода («замерз как собака»), голод («голодный как собака») (Жуков 1994).

Кот и **кошка** также имеют отрицательную характеристику в русской фразеологии: «метаться как угорелая кошка» (в крайнем исступлении, никого не замечая), «кот наплакал» (об очень малом количестве кого-либо или чего-либо), «кошки скребут на душе» (кому-либо становится тревожно, беспокойно), «покупать (купить) кота в мешке» (приобретать что-либо такое, о достоинствах чего заранее не знаешь), «тянуть кота за хвост» (1. вяло, нудно говорить, медлить с ответом, вызывая у кого-либо недовольство, раздражение. 2. слишком долго делать что-либо, оттягивать время), «нервная кошка пробежала между кем-то» (произошла размолвка, резко ухудшились отношения между кем-либо), «драная кошка» (Жуков 1994).

Еще один персонаж с отрицательной характеристикой – **свинья**. В сказках образ свиньи неоднозначен, она может быть по сюжету то глупа и наивна, то отважна. Во фразеологических сочетаниях у свиньи негативная окраска: «разбирается как свинья в апельсинах» (ничуть, совершенно (не разбирается)), «метать бисер перед свиньями» (напрасно разъяснять, доказывать тому, кто не понимает или не хочет понять), «подложить свинью» (тайком причинить

неприятность, сделать подлость кому-либо), «свинья свиньей» (неопрятный человек) (Жуков 1994).

Наиболее часто встречающиеся персонажи сказок: лиса, волк и медведь – представлены как в преданиях, так и во фразеологизмах. В преданиях образы кардинально противоположны образам в сказках. В преданиях *лиса, волк и медведь*, - почитаемые и уважаемые животные, но в сказках – объекты насмешек. Практически все образы животных во фразеологических оборотах схожи с образами из сказок. Например, лиса – синоним хитрости, волк – жадности и злости, а медведь – силы.

В русских фразеологических сочетаниях, подобно сказкам, национальный колорит представлен в разнообразии лексики и бытовых подробностях, связанных с жизнью и бытом крестьян. Большинство зооморфизмов отражает тяжелый физический труд («работать как лошадь» и т.д.), повседневные заботы («погнаться за двумя зайцами» и т.д.).

2.6.2. Образы животных в эстонских фразеологизмах

В сказках **волк** является главным героем, в отличие от фразеологических сочетаний. Во фразеологических сочетаниях персонаж представлен сравнительно скромно: «hunt lambanahas» (волк в овечьей шкуре)¹, «näljane nagu (kui) hunt» (голодный как волк), «üksinda nagu hunt» (один как волк). Выражения полностью перекликаются с русскими фразеологическими сочетаниями. Образ волка характеризует отрицательные качества человека («hunt lambanahas») или состояния («näljane nagu hunt», «üksinda nagu (kui) hunt») (Õim 2000).

Как и в сказках, в устойчивых эстонских сочетаниях упоминается **лиса**. Фразеологизмы отражают одну из главных отрицательных черт характера лисы (как и в сказках) – хитрость: «kaval nagu (kui) rebane»(хитрая как лиса) (Õim 2000).

Силу **медведя** и его внешний вид отражает выражение «nagu (kui) kagu» (как медведь). По повадкам медведя в природе ему были даны вторые имена – «mesikäpp» (дословно «медовая лапа») и «päntjalg» (косолапый) (Õim 2000).

¹ Здесь и далее перевод с эстонского языка автора магистерской работы

Как и в сказках, во фразеологических сочетаниях **заяц** труслив. Человека сравнивают с зайцем, когда он проявляет малодушие и трусость, чем-то обделен и т.д. При обозначении отрицательных черт характера человека его также сравнивают с зайцем: «nagu jānes jumalaarmu saama» (получить что-то необходимое меньше, чем надо), «nagu (kui) jānes» (очень пуглив), «kellelgi on jānesenahk rõues» и «(kellelgi) on jānes» обозначают практически одно и то же – кто-то проявляет страх и трусость (*Õim 2000*).

Также зайца именуют «nudisaba» (хвост) – вероятно, это пошло от его внешнего вида (*Õim 2000*).

Мышь упоминается несколько раз и характеризует человеческое состояние: «nagu hiir lõksus» (находиться в безнадёжной ситуации) или качество характера: «nagu (kui) hiir; nagu (kui) hiirepoe» (очень тихий, тихо) (*Õim 2000*).

В отношении **ёжа** упор сделан на субъективное качество его характера: «nagu (kui) siil tuuris» (кто-то угрюмый или мрачный) (*Õim 2000*).

Коза отражает какую-либо ситуацию или действия человека: «kimpus nagu (kui) kits kirikus» (находиться в большом затруднении), «kits kärneriks» (созвучно русскому выражению «пускать/пустить козла в огород»), «maias nagu (kui) kits kuse järele» (наслаждение чем-либо), «nagu (kui) kits kahe heinakuhja (kuhja) vahel» (человек не может выбрать между двумя возможностями), «nagu (kui) oleks kits sabaga lõõnud» (что-то или кто-то исчез довольно быстро, созвучно русскому выражению «как корова языком слизала») (*Õim 2000*).

Воробья обозначают таким же словом, как и волка - «hallivaimes» (серый). Вероятно, это происходит из-за внешнего вида воробья и волка (*Õim 2000*).

Косвенно к **сове** можно отнести выражение «silmad on rõngas (peas)» (глаза стали очень «большими») (*Õim 2000*).

Во фразеологических выражениях отмечается принадлежность **лошади** к одним из основных рабочих домашних животных «kaeramootor» (мотор на сене). При сравнении человека с лошадью отмечают внешний вид человека, рабочие качества и черты характера: «nagu (kui) hobune tööd tegema» (вкалывать), «nagu (kui) mustlase hobune» (строптивый), «nagu (kui) hobune kõhima» (кашлять как лошадь), «nagu (kui) reiupoisi hobune» (полный гордости и задора), «suur nagu (kui) hobune» (большой как лошадь) (*Õim 2000*).

Сравнение человека с **собакой** связано с какими-либо событиями в жизни человека или чертами его характера. Например, «et koer jala peale ei laseks» (чтоб собака ноги не протянула), «kaheperekoer» (лицемерный человек), «nagu (kui) koer naegma» (унижать кого-то), «sallima nagu (kui) koer luuavart» (испытывать неприязнь в отношении кого-либо), «koergi (koer ka) ei haugu järele» (никто не узнает о чем-либо). Практически идентичные друг другу сравнения есть в обоих языках: «nagu (kui) kass ja koer elama» (постоянно в ссорах и спорах, русский аналог - «как кошка с собакой»), «nagu (kui) koer heinakuhja otsas» (человек не пользуется сам и другим не дает пользоваться, русский аналог - «как собака на сене»), «nagu (kui) peksa saanud koer» (человек, чувствующий свою вину, русский вариант - «как побитая собака»), «(kuhugi, kuskil) on (ongi) koer maetud» (причина какого-либо события, положения, русский вариант - «знает, где собака зарыта») (*Õim 2000*).

Поверье о том, что черные **кошки** – слуги нечистой силы – нашло свое отражение в выражении «must kass on (kellegi) vahelt läbi jooksnud» (когда кто-то не ладит между собой). Отмечаются повадки кошки и её внешний вид: «märg nagu (kui) kass; märg nagu (kui) kassipoeg» (очень мокрый, промокший), «nagu kass ümber palava pudru käima» (как кошка ходить вокруг горячей каши). В отношении человека, который не высказывает свою просьбу или пожелание напрямую, говорят: «nagu (kui) kass hiirega mängima» (лукавить, обманывать, в русском варианте - «играть как кошка с мышкой»), «nagu (kui) kuninga kass elama» (жить без проблем) (*Õim 2000*). Из особенностей **петуха** выделено его раннее пробуждение «enne kukke ja koitu» (рано утром). Петуха сравнивают с огнем: «runane kukk» (огонь), «runast kukke räastasse pistma» (поджечь что-то). При сравнении с петухом в человеке отмечают такие отрицательные качества, как заносчивость и чрезмерную важность: «nagu (kui) kukk sõnnikuhunniku otsas» («как петух на вершине навоза»), «nagu (kui) (noor) kukk» (как молодой петух), а также внешний вид: «nagu (kui) urpunud kukk» (как потрепанный пету»). Лишь одно фразеологическое выражение отмечает петуха в положительном ключе: «nagu (kui) kukk villavakas elama» (жить защищено где-то) (*Õim 2000*).

Сравнение человека с **индюком** носит отрицательный характер, подчеркивая такие черты как «надменность», «чрезмерная важность» и «высокомерность»: «nagu (kui) kalkun» (как индюк) (*Õim 2000*).

При сравнении человека с **гусем** указывают на его умственные способности: «*rumal nagu (kui) hani*» (очень глупый человек) (*Õim 2000*).

Баран обозначает отрицательные качества характера – такие, как упрямство, неуступчивость: «*kangekaelne nagu (kui) oinas*» и глупость: «*loll nagu (kui) oinas*» (глупый как баран) (*Õim 2000*).

Курица упоминается в достаточно большом количестве выражений. Присутствуют выражения, в основном касающиеся человека. Сравнение в речи с курицей указывают на действия человека: «*prime kana leiab tege*» (слепая курица найдет дорогу), «*kana kitkuma*» (ссориться) , «*muna õpetab kana*» (человек с недостатком опыта учит других); особенности поведения или характер («*nagu (kui) kana olema*» (глупый), «*nagu (kui) kana takus*» (медленный), «*nagu (kui) munas kana*» (неспокойный), «*nagu (kui), peata kana*» (недоуменный), «*primekana*» (человек с плохим зрением или невнимательный) (*Õim 2000*).

Свинья соотносится с вредными привычками человека: «*täis nagu (kui) siga*» (очень пьяный), внешним видом: «*must nagu (kui) siga*» (неопрятный), поведением: «*nagu (kui) siga aia vahel karjuma*» (кричать, вопить), «*siga mängima*» (сделать кому -то плохо), «*lontkõrv*» (растяпа) и едой: «*siga ka ei söö*» (то, что не съедобно) (*Õim 2000*).

Сравнение с **овцой** носит отрицательную эмоциональную окраску: оцениваются умственные способности и поведение: «*loll nagu lammas*» (глупый), «*nagu lammas*» (тихий, смирный), описание работы в коллективе: «*kärnane lammas/ must lammas*» (человек, не приемлющий нормы коллектива, сообщества). Человека, совершившего какой-либо проступок, сравнивают с овцой, ступившей на плохой путь: «*eksinud lammas/ kadunud lammas*» (*Õim 2000*).

Второе наименование **быка** «*õlesööja*» дословно переводиться как «поедающий сено». При сравнении человека с быком у человека тем самым хвалят его физические качества «*nagu (kui) härg*» (силен как бык) (*Õim 2000*).

В речь вошло выражение, отражающее цвет панциря **рака**, как обозначающее чувство человека: «*nagu (kui) keedetud vähk*» (покраснел/а, как вареный рак) (*Õim2000*).

Змея связана с отрицательной характеристикой человека, обозначает предательство: «*madu oma rõues soojendama*» (тот, о ком заботились – предал).

В речь вошло выражение, передающее физиологические особенности

лягушки: «külm nagu (kui) kann» (при прикосновении – холодный, как лягушка). Выражение «nagu (kui) kann mättal» обозначает в переносном смысле напыщенного человека (*Õim 2000*).

При сравнении с **жабой** отмечают физическое состояние человека в отрицательной окраске: «nagu (kui) padakann» (очень большой).

Выражения, связанные с **мухой**, носят тревожный характер: «kärbest kõrva rapema» (человек знает информацию, что его беспокоит), «kärbest pähe rapema» (о возникновении мыслей), «mis kärbes (kedagi) hammustas» (что случилось? в чем проблема?) (*Õim 2000*).

В случае сравнения с **комаром** у человека отмечают такие качества, как ограниченность кругозора: «gind nagu (kui) sääse lennuväli» или педантичность: «sääske kurnama» (*Õim 2000*).

В эстонском языке представлено достаточно много устойчивых сочетаний, выражающих отрицательные черты характера человека. Популярными образами животных в сказках: *лиса, волк и медведь* - практически идентичны образам, закрепленным во фразеологических сочетаниях

2.7. Выводы

Данные анализа показали, что наиболее часто встречающиеся персонажи сказок о животных: *лиса, волк, заяц и медведь* – представлены как в русских, так и в эстонских фразеологизмах. Образы из сказок гораздо более близки к образам, выраженными во фразеологических сочетаниях. Например, лиса – синоним хитрости, волк – жадности и злости, заяц – трусости, а медведь – силы.

В русских и эстонских фразеологических сочетаниях, подобно сказкам, национальный колорит представлен в разнообразии лексики и бытовых подробностях, связанных с жизнью и тяжелым бытом крестьян. Большинство зооморфизмов отражает тяжелый физический труд («работать как лошадь» и т.д.), повседневные заботы («погнаться за двумя зайцами» и т.д.).

Фразеологические выражения, включающие в себя названия животных, обычно служат в качестве оценочного определения человека - как его внешности, так и внутренних качеств. В разных языках подобное оценивание может иметь как сходства, так и различия

В эстонском и русском языке представлено достаточно много устойчивых сочетаний, оценочного определения человека - как его внешности, так и внутренних качеств. В основном, с помощью выражений определяют выражающих отрицательные черты характера человека (овца – глупость, баран – упрямство, индюк – высокомерие и т.д.).

Образы животных и антропоморфные характеристики более ярко и разнообразно представлены в сказках, чем во фразеологических сочетаниях.

Русские и эстонские фразеологические обороты несут в себе эмоциональную окраску, как характера человека, так и его действий. В эстонских фразеологических сочетаниях присутствуют практически идентичные русским зооморфизмы. Как нам кажется, этот момент указывает на тесное взаимодействие культур. Русские зооморфизмы отличаются от эстонских по количеству представленных образов. В эстонских фразеологизмах, в отличие от русских, более полно и разнообразно представлены мелкие животные и насекомые.

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

3.1. Цели и задачи исследования

Система персонажей в сказках о животных формировалась в течение долгого времени и под воздействием различных факторов. Практически за каждым героем-животным закрепились определенные качества, нашедшие свое отражение как в повседневной речи (фразеологизмы, метафоры и т.д.), так и в народном творчестве (сказки о животных и т.д.).

В предыдущей главе мы рассмотрели различные качества, приписываемые персонажу в тексте сказок и во фразеологии. Выявленные качества персонажей не подвергались изменению на протяжении многих лет. Однако было предположено, что статичные образы из сказок могут быть изменены в ходе естественного процесса развития цивилизации. Мы предполагаем, что современные образы животных в сказках уже не несут в себе тех качеств, что были выявлены на основе анализа текстов сказок.

В связи с этим было проведено исследование в форме анкетирования. Целью данного анкетирования было выяснение вопроса о том, какие устойчивые образы героев – животных из народных сказок закрепились в сознании учащихся, какие изменения они приобрели, а также исследование применимости образов на уровне устойчивых сочетаний. Мы ставили перед собой задачу проследить, какие антропоморфные характеристики актуальны в массовом сознании школьников, а какие – нет.

Дополнительно мы хотели исследовать, насколько хорошо современные дети знакомы с народными сказками о животных; выяснить, какие русские и эстонские сказки о животных знакомы ученикам, в каком объеме, и какие персонажи им известны.

3.2. Описание хода исследования

Согласно государственной программе по литературе и русскому языку, ученики знакомятся со сказками, начиная с первого класса. При окончании

третьего класса ученик должен различать жанры, в том числе отличать сказку от рассказа и стихотворения. Начиная со второй ступени ученики уже более детально рассматривают сказку: художественные особенности, приемы построения, сюжеты и т.д. (*Õppekavad*).

Сказки о животных даны для изучения в первом и во втором классе. В первом классе это сказки „Лиса и рак“ (русская сказка) (*Друзик и др.*), „Почему у зайца губа рассечена“ (эстонская сказка) (*Друзик и др.*), „Глупый волк“ (русская сказка) (*Друзик и др.*), „Волк и олень“ (эстонская сказка) (*Добролюбская и др.*). Во втором классе для изучения предлагаются сказки „Зайкина избушка“ (русская сказка) (*Друзик и др. 2008 а*), „Комар и конь“ (эстонская сказка) (*Друзик и др. 2008 а*), „Мышь и воробей“ (эстонская сказка) (*Добролюбская и др.*).

В школьных учебниках сказки сопровождаются красочными иллюстрациями и сносками с пояснениями непонятных слов. В конце сказок даны упражнения на развитие мышления, внимания, логики и ораторских способностей. В целом все задания направлены на развития навыков чтения, говорения и слушания у учащихся.

Для того, чтобы охватить большее число респондентов, в качестве эмпирического метода исследование было выбрано анкетирование. Всего было опрошено 93 ученика в 5 классах, в том числе в классе погружения. В связи с тем, что сказки о животных изучают в первом и во втором классе, для исследования были выбраны второй и четвертый классы. Вторым класс был выбран исходя из того, что дети уже познакомились с разными видами сказок, могут самостоятельно сформулировать свое мнение и выразить его в письменной форме. Ученики четвертого класса уже более уверенно выражают свое мнение и более полно и углубленно изучают сказки. Со второй ступени ученики более детально знакомятся с литературными народными сказками, преимущественно волшебными, изучают былины, эпосы, легенды и т.д.

Анкетирование респондентов было проведено в привычных для них условиях, в классе. Полученные сведения были обработаны и представлены в виде таблицы в конце работы (*Приложение 6, 7*). Перед началом анкетирования было получено согласие руководства школы и учителей. Для родителей было составлено письмо для получения разрешения о проведении эксперимента. В письме был помещен текст, объясняющий цели эксперимента, и прилагалась

анкета для ознакомления (*Приложение 5*). От анкетирования из 93 респондентов был получен отказ от одного из родителей. Учителя сообщали ученикам заранее, что будет проведено анкетирование (для снятия страха перед экспериментом).

В опросе приняло участие 32 мальчика и 54 девочки (7 респондентов не указало свой пол) в возрасте от 8 до 11 лет. Больше половины опрошенных (80 человек) указали родным языком русский, 1 человек указал родным языком эстонский и один человек отметил два языка как родные (русский и эстонский). Анкета условно состоит из трех частей. В первой части даны вопросы на знание персонажей, так как нас интересовало, насколько ученики знакомы со сказками. Вторая часть посвящена вопросу о специфике понимания респондентами человеческих качеств, приобретаемых героями в сказках. Третья часть была посвящена устойчивым выражениям, связанным непосредственно с героями сказок о животных. В анкете отдельно рассматриваются русские и эстонские сказки для удобства последующего сравнения. Вся анкета состоит из открытых вопросов. Мы понимаем, что закрытые вопросы, возможно, были бы более подходящим вариантом, однако открытые вопросы позволяют ученикам непредвзято выразить свое мнение, не опираясь на заранее заданные параметры. Например, в третьей части анкеты респонденты приводили придуманные сочетания.

Текст вопросов был упрощен и адаптирован для понимания учащимися. В процессе анкетирования совместно с учащимися были проговорены вопросы и объяснены непонятные слова. Затем было дано время на самостоятельное заполнение анкеты.

3.3. Выводы

Стоит отметить, что, несмотря на мультикультурность города Нарвы, большинство детей знают русские сказки о животных лучше, чем эстонские. Опрос показал, что русские сказки дети читают и в школе, и дома. Учащиеся смогли самостоятельно назвать при устном опросе перед анкетированием русские сказки о животных (были упомянуты сказки «Лисичка-сестричка и волк», «Лиса, заяц и петух», «Лиса и журавль» и др.). Эстонские сказки о животных менее популярны, даже в русском переводе дети знают их

преимущественно по учебникам: «Конь и комар», «Мышь и воробей», «Волк и олень», «Почему у зайца губа рассечена». В нескольких случаях при устной беседе перед анкетированием респонденты не смогли отличить эстонскую сказку о животных от волшебной сказки. В учебниках с 1 по 2 класс эстонские сказки представлены из сборника А. Якобсона, однако с другим переводом (переводчик, к сожалению, не указан). Возможно, в учебнике дан более упрощенный вариант текста для детей.

После анализа результатов опроса первой части анкеты, стало понятно, что респонденты знают больше и лучше персонажей из русских сказок о животных. В перечень знакомых персонажей из русских сказок вошли: *лиса, волк, медведь, заяц, сова, собака, кот, курица, белка, сорока, лягушка, петух, тетерев, воробей, мышь, лошадь, ёж, ворона, журавль, муха, щука, змея, рыба*. Были названы также такие персонажи, как Колобок, Рапунцель, Винни-Пух, Три поросенка, Красная Шапочка, что может быть интерпретировано или как незнание отличительных признаков сказок о животных, или как нежелание респондентов отвечать на вопросы. Самым популярным персонажем из знакомых для респондентов была *лиса*. Далее следовали *волк, медведь, заяц, петух, собака, ворона, мышь, ёж и лягушка*. Из эстонских сказок о животных опрошенные смогли назвать *коня, комара, воробья, мышь, ласточку, муху, медведя, волка, ёжа, зайца, лису, кот, петух, ворона, собака, журавль*. Наиболее знакомыми оказались *конь, комар, воробей, мышь и медведь*. Перечисленные персонажи сказок соответствуют героям сказок «Мышь и воробей» и «Конь и комар», изучаемых на уроках, что показывает низкую осведомленность респондентов вообще об эстонских народных сказках о животных.

Часто встречающимися персонажами были названы *лиса, волк, заяц, медведь, сорока, мышь, ёж, кот, собака, ворона, петух, рыбы, лебеди, лягушка, лошадь, свинья, щука*. Самыми частотными персонажами, присутствующими в большинстве анкет, были *лиса, волк, медведь, заяц, кот, петух, собака*. В число популярных персонажей вошли также три поросенка, Золушка, Колобок, Маша и медведь, Винни - Пух, Змей Горыныч, тигр. Можно предположить, что имели место юмор или желание ответить хоть что-то, а возможно, и неосведомленность, как и в первом вопросе о том, что представляют собой сказки о животных. В эстонских сказках о животных чаще всего

встречающимися персонажами были названы *заяц, лиса, волк, мышь, ласточка, конь, комар, воробей, медведь, ворона, собака, кот, петух*. Наиболее встречающимися были отмечены *заяц, лиса, мышь, волк*.

Положительными персонажами в русских сказках о животных были названы *заяц, мышь, коза, медведь, курица, петух, собака, ёж, лиса, белка, корова, волк, кот, ворона, лягушка, журавль и кошка*. *Зайца*, как наиболее положительного персонажа отметило 58 респондентов. Далее были отмечены *петух и медведь*. В эстонских сказках о животных положительными были названы: *мышь, воробей, конь, волк, комар, ласточка, медведь, лошадь, лиса, заяц, свинья, овца, корова и кошка*. Из ответов респондентов следует, что, по их мнению, самыми положительными являются: *мышь, заяц, воробей*.

Отрицательными персонажами в русских сказках о животных являются *волк, лиса, сорока, медведь, заяц, собака, мышь, змея, ворона, петух, кот*. Лидирующие позиции были у *волка, лисы и медведя*. В отрицательные персонажи были также включены *бегемот, крокодил, крыса и хорек*. Вероятнее всего, при ответе респонденты основывались на своем личном опыте или услышанной информации, но не на сказках о животных. К числу отрицательных персонажей были причислены также Змей Горыныч и Кощей Бессмертный, что в принципе верно, но не отвечает заданному вопросу.

Исходя из таких ответов, мы можем предположить, что некоторые ученики плохо ориентируются в жанрах и не могут отличить сказку о животных от волшебной сказки. Отрицательными персонажами в эстонских сказках были названы: *комар, конь, петух, волк, медведь, лиса, ворона, кошка, воробей, мышь, курица*. Наибольшее число ответов получили *лиса, медведь, волк и комар*. Как в русских, так и в эстонских сказках респонденты указали положительным героем *зайца*, а отрицательными героями *лису, волка и медведя*. Совпадение дают нам возможность предполагать, что респонденты слабо понимают разницу между сказками обеих культур, а также различиями в персонажах. У опрошенных в ответах преобладают персонажи, характерные для русских народных сказок. Совпадения в перечислении положительных и отрицательных героев в эстонских сказках указывает на то, что разделение на добрых и злых в сказках слабо выражено, в отличие от русских сказок. Эстонские сказки, нацеленные на наблюдение над природой, не акцентируют внимание на моральной стороне, в отличие от русских сказок.

Во второй части нашей анкеты нас интересовало, какие, по мнению респондентов, антропоморфные характеристики приобретают животные в русских и эстонских народных сказках о животных. Для оценивания были предложены такие персонажи, как *лиса, волк, медведь, заяц, петух и собака*. Хочется отметить, что по русским сказкам о животных было дано большее количество ответов, чем по эстонским сказкам.

Несмотря на то, что в школьных учебниках по литературе и чтению с 1 по 5 класс представлены задания на знание содержания текста, респонденты смогли самостоятельно распознать антропоморфные признаки, как в общем смысле, так и по конкретному животному. Большинство учащихся указало по выбранным персонажам характеристики при помощи прилагательных и глаголов. В целом ученики отметили, что звери *говорят и ходят на двух ногах*, как люди, а также *спят, ходят друг к другу в гости и думают*.

Респондентами была дана характеристика *лисе* такими прилагательными как: *хитрая, злая, добрая, умная, коварная*. При помощи глаголов были отмечены действия лисы: *обманывает, разговаривает, сидит, лежит, кричит, нюхает, чувствует, ворует, ест, ходит, притворяется мертвой, падает, прыгает, смеется, бегаем, ходит, заставляет, врет, спит, готовит, льстит, хитрит и хвастается и ходит на двух лапах*. Чаще всего респонденты указывали на то, что *лиса хитрая*.

В отношении *волка* было указано, что он, как и человек, может быть *голодным, злым, сильным, быстрым, странным, хорошим, глупым, добрым, буйным, смелым, грубым, наивным, хитрым, умным*. Было также замечено, что волк *зубастый*, как человек. Однако предположительно это связано с реальными представителями фауны. При помощи глаголов респонденты отметили, что волк *ходит, рыщет, говорит, смеется, кушает, плачет, слышит, дышит, бегаем, охотится, ворует, дерется, обманывает, ест все, что угодно, рыбачит, жуем и ходит на двух лапах*. Исходя из вариантов ответов видны смешанные представления о персонаже. Были даны ответы и о том, как он ведет себя в сказке (*рыбачит, ест все, что угодно*), и о том, как он ведет себя в дикой природе (*охотится, рыщет*), и, собственно, предполагаемые ответы на вопрос (*ходит, говорит, смеется, кушает, плачет, слышит, дышит, бегаем, ворует, дерется, обманывает, жуем и ходит на двух лапах*). Интересно то, что большинство опрошенных учащихся указало на такую особенность волка, как *злость*.

У **зайца** было отмечено, что он *трусливый, доверчивый, добрый, хороший, прыгучий, быстрый, веселый, пушистый, дружелюбный, смелый, храбрый, торопливый, хитрый, умный*. Также *ходит, плачет, играет, дарит подарки, прыгает, прячется, спит, ест, говорит, ходит в гости, разговаривает, боится*. Некоторые ответы, вероятно, происходят из знаний респондентов о манере поведения зайца в дикой природе (*прыгает, прячется*). Трусость и доброта **зайца** были отмечены большинством респондентов.

Медведя отметили наибольшим числом ответов как *сильного и доброго*. Также было отмечено, что он *ленивый, мудрый, злой, неуклюжий, косолапый, все ломает, большой, бурый, глупый, прыгает, ворует, рыбачит, выгоняет, смешной, бьет, кушает, говорит, играет, жадный, сонный, трусливый, честный, умный, готовит, рычит, дружелюбный, толстенький, разговаривает, справедливый и спит на кровати*. Предположительно ответ *бурый* относится к знаниям респондента о живой природе, а не к сказкам. Ответ *спит на кровати* был заимствован из волшебной сказки и приведен здесь по ассоциации к слову *медведь*.

У **петуха** выделили такую антропоморфную характеристику, как *храбрость*. Также было отмечено, что петух *сильный, добрый, выгнал лису, смелый, благородный, красивый, умный, гордый, шумный, охотится, хороший, кричит, помогает, спасает,мышленый, ленивый, кукарекает, поет, говорит, живет дома, настойчивый, стал милосерднее, голосистый, громкий, злой, рано встает, задиристый, разговаривает и радостный*. К ассоциативным знаниям о живой природе относятся ответы *кукарекает* и *рано встает*.

Верность была отмечена как главный признак у **собаки**. Кроме этого, были названы такие характеристики как: *храбрая, быстрая, добрая, смелая, говорит, веселая, умная, громкая, добрая, кричит, ходит на двух лапах, играет, лает, ест, поёт, преданная, злая, маленькая, трусливая, стала смелее, послушная, любознательная, добродушная, разговаривает и щедрая*. Также встречались такие ответы, как *мяукает* и *летает*, которые, вероятно, были даны из-за невнимательности респондента или желания пошутить.

По эстонским сказкам было дано гораздо меньше вариантов ответов.

Лиса была отмечена как *хитрая, умеющая говорить, есть, пить, рисовать, прыгать, улыбаться, хитрить, красть и притворяться мертвой*. Как и в случае с русскими сказками, хитрость была отмечена как основное качество персонажа.

В эстонских сказках у *волка* не выделили никаких особенных качеств, однако отметили, что он *злой, быстрый, бегаем, пьет, ест, дышит, слышит, нюхает, сидит, говорит, дружит, крадет, ходит на двух ногах*.

Лексемы, характеризующие *зайца*, указывали на его трусость: *трусливый, ходит, боится, плачет, говорит*. Так же, как и в русских сказках о животных, персонаж ассоциируется у школьников с трусостью.

К *медведю* были применены такие характеристики, как *неуклюжий, эгоист, злой, ленивый, мудрый, хитрый, жадный, косопалый, рычит, плачет, помогает, говорит, грустный*. Что интересно, основной характеристикой было *эгоист*. Вероятно, это связано с пройденной сказкой «Мышь и воробей», где по сюжету медведь обокрал мышь и воробья.

Петух был охарактеризован такими прилагательными, как *благородный, гордый, хороший* и глаголами *летает, поет, кричит, говорит и охотится*.

В отличие от русских сказок о животных, в эстонских сказках выделили *храбрость собаки*. Также отметили, что она *говорит, прыгает, помогает, танцует и хорошая*.

В русских сказках образы животных статичны и неизменны. Согласно проанализированным данным, типичные образы лисы, волка, медведя, зайца, петуха и собаки совпадают с данными характеристиками, полученными в ходе нашей работы по анализу сказок. Респондентами были единодушно отмечены такие типичные качества персонажей из сказок, как: *хитрость лисы, злость волка, неуклюжесть медведя, трусость зайца, храбрость петуха и верность собаки*. Полученный нами результат подтверждает данные, приведенные в магистерской работе Р. Пейбонен. По мнению Пейбонен, человек отталкивается от ассоциаций, привязанных к определенному животному, характерных для его культуры (Пейбонен 2013: 49). Так, например, в русских сказках *лиса* является хитрым и изворотливым персонажем, а *заяц* – трусливым и робким.

Что показательно, по результатам исследования Пейбонен «самыми частотными зооморфизмами в русском языке были *лиса* для характеристики хитрого человека, *медведь* для неуклюжего человека, а *волк* для злого человека. В эстонском языке - *лиса* как характеристика хитрого человека, *медведь* — как наименование сильного» (Пейбонен 2013: 47). Результаты нашего исследования частично совпадают с данными Пейбонен. Наиболее часто встречающимися в эстонских сказках школьниками были отмечены *заяц, лиса, мышь, волк*.

Третья часть анкеты не вызвала затруднений у большинства респондентов. Респонденты привели большое число разнообразных примеров. В ответах присутствовали в основном сравнительные обороты, но были представлены и пословицы, и поговорки как на русском, так и на эстонском языке. Одни из самых популярных сравнительных оборотов были связаны с лисой «*хитрый как лиса*» и «*хитрая как лиса*». В остальных вариантах ответов такое гендерное деление, связанное с одним персонажем, отсутствовало. Популярными ответами были также «*труслив как заяц*», «*медленный как улитка*», «*упрямый как баран*» и «*нем как рыба*». Возможно, такой выбор связан со случаями из личного опыта респондентов. Следует отметить, что учащиеся указывали сравнительные обороты, касающиеся характера человека: «*мудрый как сова*», «*колючий как ёж*», «*упрямый как медведь*», «*храбрый как петух*», «*умный как собака*», «*сильный как медведь*», «*злой как волк*», «*устал как собака*», «*быстрый как заяц*», «*упрямый (упертый) как баран*», «*медленный как черепаха*», «*здоровый как бык*», «*медленный как улитка*», «*злой как собака*», «*упрямый как осел*», «*тихая как мышь*», «*трудолюбивый как муравей*», «*грязный как свинья*».

Также были представлены пословицы: «*работа не волк, в лес не убежит*», «*за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*», «*волков боятся, в лес не ходить*», «*без труда не выловишь и рыбку из пруда*». Данные пословицы полностью соответствуют тем, что предложены для изучения и запоминания в тексте учебников. В классе погружения респонденты написали следующие пословицы: «*jookseb nagu peatu kana*» (бегает, как курица без головы), «*aeglane nagu tiigu*» (медленная как улитка). Перед анкетированием учитель сообщил, что респонденты учили пословицы и поговорки на эстонском языке.

В некоторых случаях можно предположить, что респондент или сам придумал выражение, или неправильно запомнил известное, или это уже совершенное новое, сформировавшееся недавно выражение: «*шустрый как енот*», «*отзывчивый как петух*», «*редкий как панда*», «*быстрый как леопард*», «*ленивый как тюлень*», «*шустрый как лиса*», «*злой как медведь*», «*ленив как медведь*», «*спишь как сова*», «*спокойный как муха*», «*прыгаешь, как заяц*», «*память как у рыбы*».

Проведенное нами анкетирование позволило сделать следующие выводы:

1. Устойчивость и неизменность образов персонажей из народных сказок остается неизменной и в речи.
 2. Такие популярные персонажи из сказок, как *лиса*, *волк*, *медведь*, *заяц* преобладают в сознании и речи респондентов.
 3. По данным анкетирования, респонденты гораздо лучше знакомы с русскими народными сказками о животных, чем с эстонскими.
 4. В ходе анкетирования выяснилось, что респонденты нечетко представляют себе отличия персонажей в русских и эстонских сказках. Думается, это происходит из-за того, что в учебном материале на этом вопросе не акцентируют внимание.
 5. Анкетирование показало, что устойчивые сочетания, связанные с животными, представлены в основном сравнительными оборотами. На основе анкет можно сделать вывод о подвижности и изменяемости оборотов. Появляются новые или дополняются и изменяются уже устоявшиеся сравнительные обороты, содержащие образы животных и их характеристики.
- Проведенное анкетирование позволило рассмотреть, как в сознании учащихся отражаются закрепленные в культуре образы. Стоит отметить, что кардинальных отличий в восприятии респондентами русских и эстонских сказок о животных не найдено. Добавим, что, скорее всего, ученики знают эстонские сказки о животных исключительно по программе. Русские народные сказки о животных представлены более широко, однако в большинстве случаев известны те, что содержатся в учебниках. Возможно, это указывает на довольно узкие познания школьников в этом опросе. Таким образом, можно сделать вывод, что изучению сказок о животных в школе отведено недостаточно времени и изучают их поверхностно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У каждого народа есть свои сказки, в числе которых - сказки о животных, один из древнейших видов сказок. Животные в этих сказках воспринимаются как иносказательное изображение человеческого мира.

Наша работа была посвящена изучению антропоморфных характеристик персонажей в русских и эстонских народных сказках о животных, а также закреплению и бытованию животных образов на уровне языка (во фразеологизмах) и в сознании современных школьников.

Наше исследование было ограничено кругом отобранных сказок и фразеологических оборотов. Выбор сказок был остановлен на сборнике эстонских народных сказок Якобсона и сборнике А. Афанасьева «Народные русские сказки. Полное издание в одном томе».

В процессе работы были реализованы следующие задачи:

- был дан краткий очерк исследовательских традиций русских и эстонских сказок о животных;
- изучив научную справочную литературу, мы выявили основные мифологические сюжеты, связанные с животными образами;
- выявили и описали антропоморфные черты персонажей русских и эстонских сказок о животных;
- проанализировали фразеологические обороты, заключающие в себя животные характеристики;
- провели анкетирование и проанализировали полученные результаты;

В ходе работы мы пришли к следующим выводам:

1. Как в русских, так и в эстонских сказках о животных перечень персонажей достаточно разнообразен, но чаще повторяющимися и более глубоко раскрытыми являются лишь несколько характеров персонажей: лиса, волк, медведь.
2. В эстонских сказках о животных в большей степени проявляется детализация и антропоморфизация образов животных, чем в русских сказках.

3. Национальный колорит в русских и эстонских сказках проявляется в бытовых мелочах, интонации, в стиле речи (обращение, приветствие, наименования животных и т.п.)
4. Большинство эстонских сказок с вопросом в названии дают объяснение природным явлениям, особенностям поведения и внешнего вида животных и птиц в природе.
5. В эстонских сказках персонажи более разнообразны, включают не только диких и домашних животных, но и птиц, насекомых, ракообразных и пресмыкающихся. Часто главными персонажами становятся мелкие животные и насекомые, в отличие от русских сказок.
6. Зачастую, в отличие от русских сказок, в эстонских появляются заступники зверей и птиц: Лесной Отец и Дед-Грозовик.
7. Для эстонских сказок характерна подчеркнутая принадлежность к какой-либо местности в Эстонии.

Проведенное анкетирование помогло выявить, какие устойчивые образы героев-животных из народных сказок закрепились в языке и сознании учащихся, какие изменения приобрели, а также исследовать применимость образов на уровне устойчивых сочетаний. Мы проследили, какие антропоморфные характеристики актуальны в массовом сознании школьников, а какие – нет.

На основе анкет стало понятно, что устойчивые образы из народных сказок остаются неизменными и в разговорной речи. Популярными персонажами были выделены *лиса, волк, медведь, заяц*.

Проведенное анкетирование помогло выявить и проблемные стороны исследуемого вопроса, связанные со знаниями школьников сказок о животных. Например, по данным анкетирования респонденты гораздо лучше знают русские народные сказки о животных, чем эстонские. В ходе анкетирования выяснилось, что респонденты нечетко представляют себе отличия персонажей в русских и эстонских сказках. Предполагаем, что это происходит из-за того, что в учебном материале на этом вопросе не акцентируют внимание, не изучаются русские и эстонские сказки с похожими сюжетами.

Анкетирование показало, что устойчивые сочетания, связанные с животными, представлены в основном сравнительными оборотами. На основе анкет можно сделать вывод о подвижности и изменяемости таких оборотов.

Стоит отметить, что кардинальных отличий в восприятии респондентами русских и эстонских сказок о животных не найдено. Проведя анкетирование, мы пришли к выводу, что изучению сказок о животных отведено мало времени и изучают их поверхностно.

Значимость нашей работы состоит в том, что система персонажей русских и эстонских сказок о животных впервые сравнивается столь широко, включает в себя как исследование фольклорных книжных источников, так и рецепцию восприятия учащимися. Такие знания позволят улучшить межкультурное взаимодействие, расширить кругозор и повысит уровень понимания другой культуры, отличной от своей.

В педагогической деятельности учитель может использовать предоставленный аналитический материал для подготовки к урокам, составления самостоятельных заданий для учеников, сравнительного анализа конкретных сказочных сюжетов. Также учитель может строить уроки по знакомству с сюжетами и персонажами русских и эстонских сказок о животных не только на сопоставлении и выявлении их художественной специфики, но и использовать при такой работе самый широкий контекст (мифологический, культурологический, лингвистический, и т.д.).

RESÜMEE

Muinasjutt on rahvajutu peamine liik. Igal rahval on ka omad muinasjutud. Muinasjutu seas loomamuinasjutud on üks vanimaid vorme muinasjuttudest. Loomamuinasjutud on seotud kohaliku elukeskkonnaga, kuid nende motiivid on rahvusvahelised.

Magistritöö teema on „Loomade ettekujutus eesti ja vene kultuuris (loomamuinasjuttude ja fraseologismide materjalide alusel). Käesoleva magistritöös uuritakse eesti ja vene loomamuinasjuttude tegelaste antropomorfsed omadused, samuti uurime kujutatud loomade pilt keele tasandil (fraseologismid) ja tänapäevaste kooliõpilaste mõtetes.

Antud magistritöö teema oli valitud sellepärast, et tegemist on hetkel väga aktiivsete rahvusvaheliste kontaktidega ühiskonnas. Tänapäeval edukaks suhtlemiseks muude kultuuride mõistmine on väga tähtis, sest võimaldab paremini rahva eripärast ja tema tavadest aru saada ja niimodi vältida konflikte mitmekultuurilises ühiskonnas.

Antud töö tähtsus seisneb ka selles, et vene ja eesti loomamuinasjuttude tegelaste süsteem esmakordselt võrreldatakse omavahel nii laialt ja põhjalikult. Sellised teadmised võivad parandada kultuuridevahelist suhtlemist ja muude kultuuride mõistmist.

Töö koosneb kolmest peatükist, kokkuvõttest, kirjanduse loetelust ja lisadest.

Esimeses peatükis selgitatakse mõistet “muinasjutt“ ja “loomamuinasjutt”. Antakse ülevaade muinasjuttude eripäradest ja süžeedist. Edasi selgitatakse mõistet “muistend”, antakse ülevaade eesti ja vene müistendites esitatud loomadest.

Teises peatükis antakse põhjalik ülevaade loomamuinasjuttude tegelastest ja süžeedist. Samuti võrreldakse omavahel ja tehakse analüüsi kahte sarnase süžeediga muinasjuttu. Edasi esitatakse loomakujude antropomorfsete tunnuste analüüs loomamuinasjuttudest eesti ja vene fraseologismide alusel.

Võrdlev analüüs võimaldas teha mitmeid järeldusi:

- Nii vene kui ka eesti loomamuinasjuttude tegelased on üsna mitmekesised, kuid tihti korratakse ja sügavamalt on avaldatud vaid mõned: *rebane, hunt, karu, jänes*. Nii eesti kui ka vene loomamuinasjuttudes on esitatud ka linnud: *kaaren, ronk, harakas, vares* jt.
- Loomamuinasjuttude tegelasteks on isikustatud loomad, iga loom on teatud iseloomu sümbol (rebane – kavalus, jänes – pelglikkus, hunt – kurjus jne.).

- Rahvuslik kultuur vene ja eesti muinasjuttudes on näidatud argipäevade asjade, intonatsiooni ja kõnestiili kaudu (kaebus, tervitus, loomanimed jne).
- Eesti muinasjuttude enamik juba pealkirjas annab selgitusi loodusnähtuste, loomade ja lindude eripära, käitumise ja välimuse kohta.
- Eesti muinasjuttude tegelased on igasugused, on sisaldatud mitte ainult metsa-ja koduloomad, vaid ka linnud, putukad, koorikloomad ja roomajad. Sageli peategelased on väikesed loomad ja putukad. Vene muinasjuttude peategelased peamiselt suured loomad: rebane, hunt, jänes, lammas, kass, koer jne.
- Eesti muinasjuttudes metsloomadel ja lindudel on olemas kaitsjad (metshaldjad).
- Eesti muinasjuttude enamik on seotud erinevate Eesti paikadega (kaare Järvamaalt jne.).

Tuleb rõhutada, et eesti ja vene muinasjuttude põhimõtteliseid erinevusi ei ole leitud.

Kolmandas peatükis kirjeldatakse põhjalikult ringküsitusi eesmärgi, protsesse ja antakse kokkuvõtte. Ringküsitusi eesmärk oli uurimine, mis loomade karakterkujud on aktuaalsed tänapäevaste kooliõpilaste seas. Saadud tulemusi võrreldakse loomamuinasjuttude ja fraseologismide analüüsi tulemustega.

Sai selgeks, et populaarsed loomade karakterkujud rahvajuttudest jäid stabiilseks ka kõnekeeles: *rebane, hunt, karu, jänes*. Uuring näitas, et kooliõpilased ei tee erinevusi vene ja eesti muinasjuttude tegelaste vahel. Uuring näitas, et loomadega seotud püsiühendid on põhiliselt esitatud võrdlustarinditega. Me võime teha järeldusi nende mobiilsusest ja variatiivsusest.

Tööle kuuluvad lisad, kus on ära toodud loomamuinasjuttude tegelaste analüüsi tulemused, eesti ja vene muinasjuttude nimekiri, ankeedi näidis ja ringküsitusi tulemused.

ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

1. *Афанасьев - Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М., 2010.
2. *Якобсон – Якобсон А.* Сказки. Таллинн, 1985.

2. Исследования

1. *Аарне – Аарне А.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне [Электронный документ]. URL: http://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-2340/002_R/index.html Проверено: 22.10.2015
2. *Аникин – Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1977
3. *Аннист и др.- Аннист. А., Вийдалепп Р., Киппар П., Кокамяги Х., Метстак В., Миров Р., Мялк В., Пино В., Раудсеп Л., Рюйтель И., Сарв И., Тампере Х., Тедре Ю., Хийемяэ М., Эстонский фольклор.* Таллинн, 1980.
4. *Афанасьев - Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982
5. *Бахтин – Бахтин В.А.* Эстетическая функция сказочной фантастики. Саратов, 1972
6. *Бичер – Бичер О.* Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологические и лексикографические аспекты. Смоленск, 2016
7. *Вавилова и др. – Вавилова М.А., Василенко В.А., Рыбаков Б.А., Новикова А.М. и др.* Русское народное поэтическое творчество. М.,1986.
8. *Веселовский - Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета// Историческая поэтика. М., 1989. С. 300-305
9. *Волошина и др. – Волошина Т.А., Астапова С. Н.* Языческая мифология славян. Ростов н/Д., 1996
10. *Гура – Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997
11. *Даль 1996 а – В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. Санкт – Петербург, 1996.
12. *Даль 1996 б– В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. Санкт – Петербург, 1996.

13. *Евлампиева – Евлампиева Е. А.* Русская фразеология. Вопросы и задания. Чебоксары, 1997
14. *Елисеев и др.- Елисеев И.А., Полякова Л.Г.* Словарь литературоведческих терминов. Ростов-на-Дону, 2002.
15. *Жирмунский – Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград, 1979
16. *Жуков – Жуков В. П.* Школьный фразеологический словарь. М., 1994
17. *Зуева и др. - Зуева Т.В., Кирдан Б.П.* Русский фольклор. Учебник. М.,1998.
18. *Киппар – Киппар П.А.* Эстонские сказки о животных. Автореферат. [Электронный документ]. URL: <http://cheloveknauka.com/estonskie-skazki-o-zhivotnyh> Проверено: 01.06.2016
19. *Капица и др.- Капица Ф.С., Колядич Т. М.* Русский детский фольклор. Учебное пособие. М., 2011
20. *Колмачевский – Колмачевский Л.* Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882
21. *Костюхин 1987 – Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
22. *Костюхин 1993 - Костюхин Е.А.* Сказка и типология культурных контактов// Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. Санкт-Петербург,1993.Т.27.С.1-14.
URL:<http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/RusFolk/RusFolklore%20vol.27%201993.pdf> Проверено: 12.01.2017
23. *Кравцов и др.– Кравцов Н.И., Лазутин С.Г.* Русское устное народное творчество. М.,1983
24. *Крейцвальд - Крейцвальд Ф.* Старинные эстонские народные сказки. Таллинн, 1953
25. *Лаврова – Лаврова С.* Славянская мифология. М, 2011
26. *Лак – Лак Э.* Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 1995
27. *Литературный – Литературный энциклопедический словарь.* М., 1987
28. *Мариничева 2012 – Мариничева Ю. Ю.* Русские сказки о животных. Автореферат. Санкт-Петербург, 2012 [Электронный документ].
URL: <http://cheloveknauka.com/russkie-skazki-o-zhivotnyh>
Проверено: 26.10.2015

29. *Мариничева – Мариничева Ю. Ю.* Русские сказки о животных: система персонажей [Электронный документ].
URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/marinicheva.pdf>
Проверено: 01.12.2015
30. *Мелетинский – Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1995
[Электронный документ].
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet1/02.php
Проверено: 21.05.2017
31. *Миц и др. – Миц С.И., Померанцева Э.В.* Русская фольклористика. Хрестоматия. М., 1971
32. *Наговицын и др. – Наговицын А.Е., Пономарева В. И.* Типология сказки. М., 2011
33. *Национальный–Национальный корпус русского языка.* [Электронный документ]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> Проверено: 26.11.2016
34. *Неклюдов – Неклюдов С. Ю.* Почему сказки одинаковые? [Электронный документ].
URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov17.htm>
Проверено: 22.01.2017
35. *Николюкин – Николюкин А.Н.* Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003
36. *Никифоров – Никифоров А. И.* Сказка и сказочник. М., 2008
37. *Новиков и др. – Новиков В. И., Шкловский Е. А.* Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1998
38. *Пейбонен – Пейбонен Р.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русской и эстонской разговорной речи (по материалам анкетирования русско- и эстоноязычных жителей эстонии). Тарту, 2013
39. *Петрухин и др. - Петрухин В. Я., Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая.* Славянская мифология. М., 1995
40. *Померанцева а– Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М., 1985
41. *Померанцева b – Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М., 1963
42. *Пропп 1998 – Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. М., 1998
43. *Пропп 1928 – Пропп В.Я.* Морфология сказки. Ленинград, 1928
44. *Сяргава – Сяргаа Э.* Старинный сказки о кумушке-лисе. Т., 1984
45. *Токарев – Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990

46. *Толковый* - Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
47. *Толстой – Толстой А.Н.* Сказки. 2017 [Электронный документ].
URL: <http://vseskazki.su/avtorskie-skazki/lev-tolstoi.html>
Проверено: 18.06.2017
48. *Троянова – Троянова Т.* Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003
49. *Шанский и др. – Шанский Н. М., В. В, Иванов, Т. В. Шанская.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961
50. *Шафранская – Шафранская Э.Ф.* Устное народное творчество. М., 2008
51. *Eesti – Eesti rahvaluule.* Tartu, 1995 [Электронный документ].
URL: <http://www.folklore.ee/> Проверено: 26.01.2017
52. *Eisen 1995 – Eisen M.* Eesti mütoloogia. Tallinn, 1995
53. *Eisen 1996 – Eisen M.* Esivanemate ohverdamised. Tallinn, 1996
54. *Kippar – Kippar P.* Loomad, linnud, putukad. Eesti loomamuinasjutte. [Электронный документ].
URL: <http://www.folklore.ee/pubte/muina/loomad/loomb.html>
Проверено: 26.10.2015
55. *Laugaste- Laugaste E.* Eesti rahvaluule. Tallinn, 1977
56. *Loorits – Loorits O.* Eesti rahvausundi maailmavaade. Tallinn, 1990
57. *Masing – Masing U.* Eesti usund. Tartu, 1998
58. *Mälk – Mälk V., Sarv I, Viidalepp.* Eesti muinasjutud. Tallinn, 1967
59. *Nirk - Nirk E.* Eesti kirjanduslugu. Tallinn, 1983
60. *Õppekavad – Õppekavad. Innove.* [Электронный документ].
URL: <https://oppekava.innove.ee/> Проверено: 30.05.2017
61. *Õim – Õim A.* Fraseoloogiasõnaraamat [FRS]. Tallinn, 2000 [Электронный документ].
URL: <http://www.eki.ee/dict/frs/index.cgi> Проверено: 30.05.2017

3. Учебники

1. *Добролюбская и др. – Добролюбская Г., Федорова Л.* Светлячок. Учебник для 1 класса. Таллинн, 2012
2. *Добролюбская и др. 2015 а – Добролюбская Г., Федорова Л.* Светлячок. Учебник для 2 класса. Часть 1. Таллинн, 2015

3. *Добролюбская и др. 2015 б*– **Добролюбская Г., Федорова Л.** Светлячок. Учебник для 2 класса. Часть 2. Таллинн, 2015
4. *Друзик и др.* – Друзик Е., Тимофеева Е. Чтение. Учебник для 1 класса. Таллинн, 2007
5. *Друзик и др.2008 а* – Друзик Е., Тимофеева Е. Чтение. Учебник для 2 класса. Часть 1. Таллинн, 2008
6. *Друзик и др.2008 б* – Друзик Е., Тимофеева Е. Чтение. Учебник для 2 класса. Часть 2. Таллинн, 2008
7. *Горецкий и др. 2005* – **Горецкий В., Матсина А., Пароль Н.** Русское слово. Книга для чтения в 3 классе. Таллинн 2005
8. *Горецкий и др.2006* – **Горецкий В., Матсина А., Пароль Н.** Русское слово. Учебник – хрестоматия для 4 класса. Таллинн, 2006
9. *Горецкий и др. 2012* – **Горецкий В., Матсина А., Пароль Н.** Русское слово. Учебник по чтению для 4 класса. Таллинн, 2012
10. *Логвина и др.* – **Логвина И., Минакова С.** Жили-были... . Учебник – хрестоматия для 5 класса. Часть 1. Таллинн, 2016
11. *Матсина и др.2017 а* – Матсина А., Пароль Н., Горецкий В. Русское слово. Учебник по чтению для 3 класса. Часть 1. 2017
12. *Матсина и др. 2017 б* – Матсина А., Пароль Н., Горецкий В. Русское слово. Учебник по чтению для 3 класса. Часть 2. 2017
13. *Моисеева* – **Моисеева Е.** Литература. Учебник для 5 класса. Таллинн, 2013

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Частота появления персонажа в русских сказках

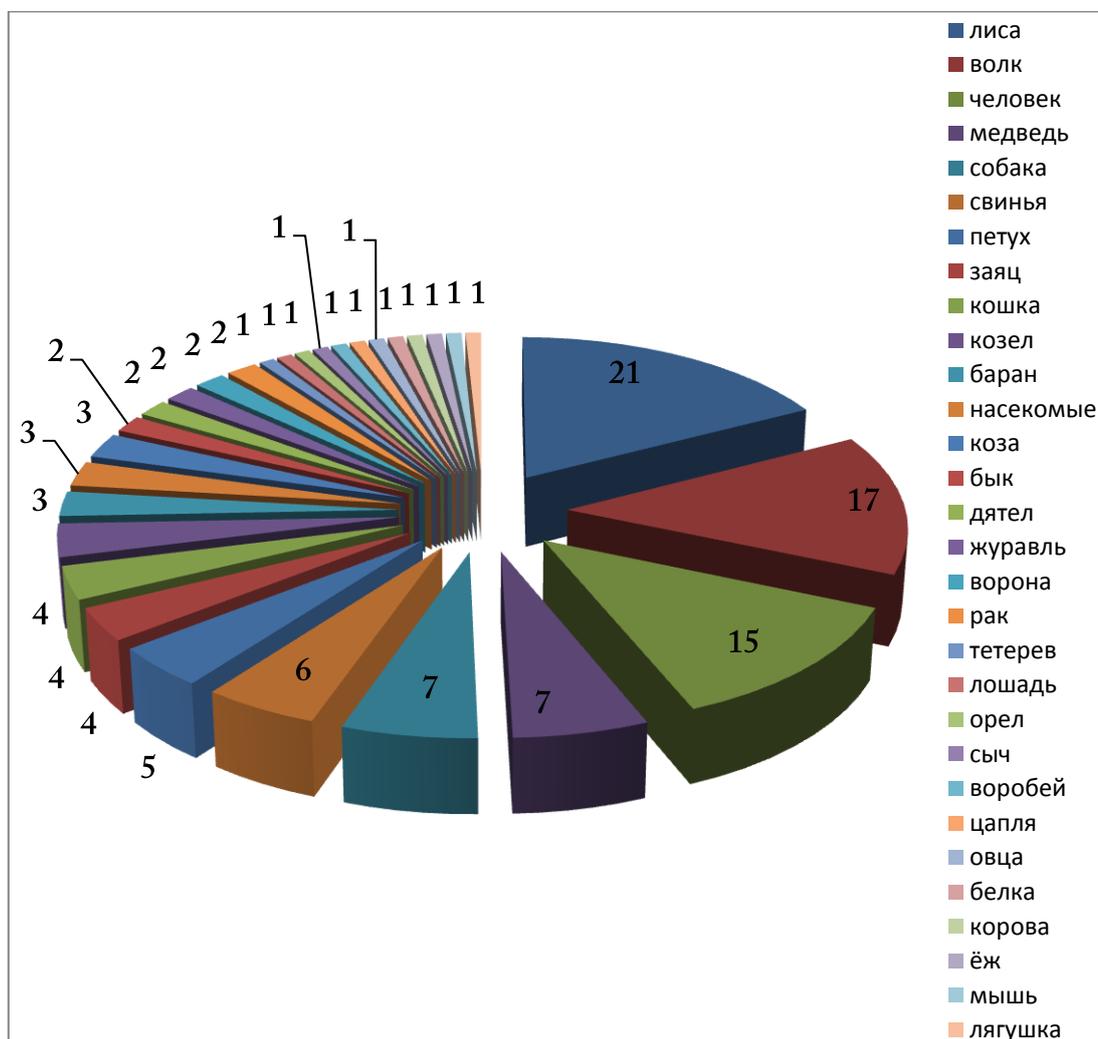

Рисунок 1. Частота появления персонажа в русских сказках

Приложение 2. Частота появления персонажа в эстонских сказках

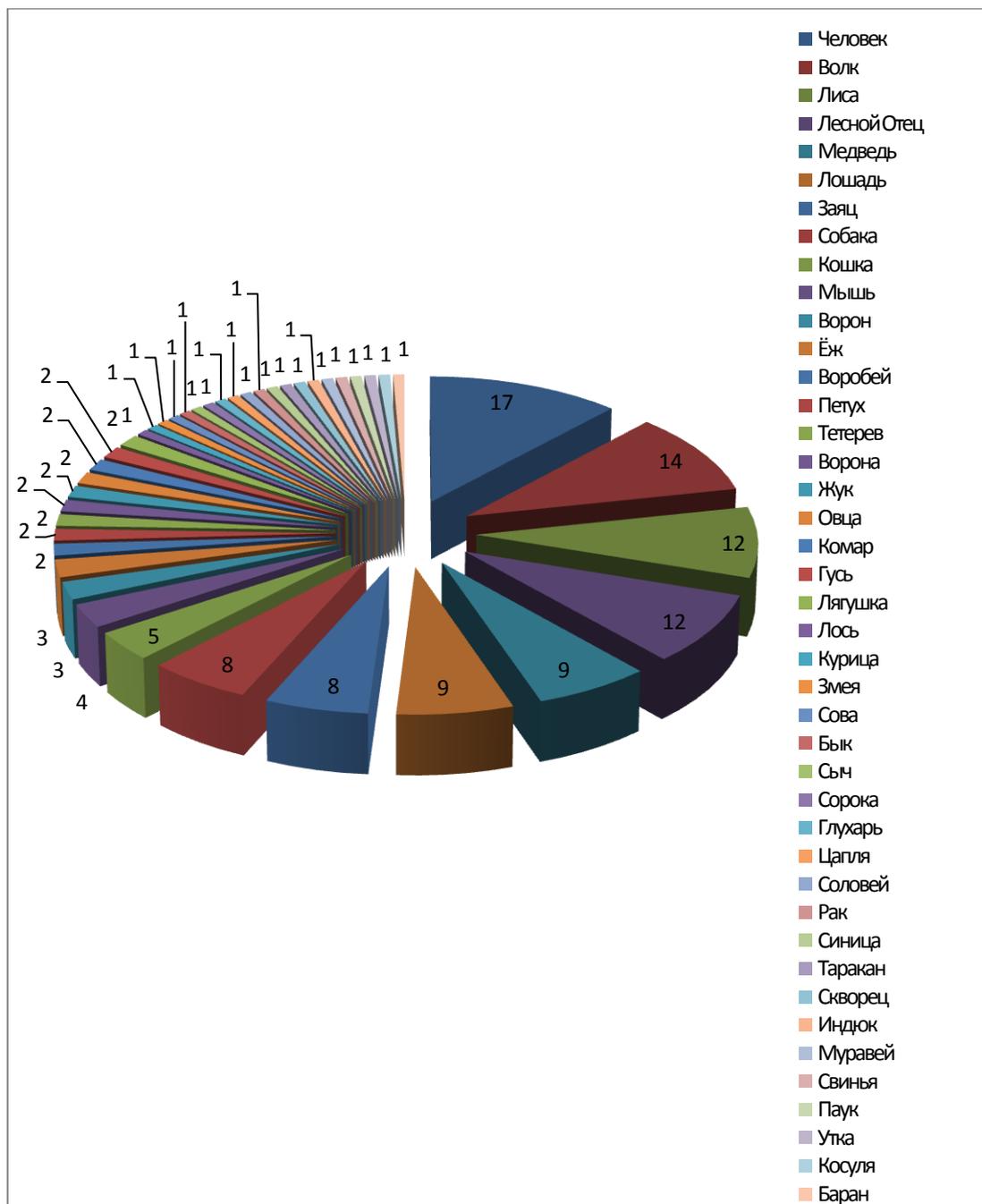

Рисунок 2. Частота появления персонажа в эстонских сказках

Приложение 3. Список русских сказок о животных

- Лисичка-сестричка и волк
- За лапоток — курочку, за курочку — гусочку
- Лиса-повитуха
- Лиса, заяц и петух
- Лиса-исповедница
- Лиса-лекарка
- Лиса-плачя
- Мужик, медведь и лиса
- Старая хлеб-соль забывается
- Овца, лиса и волк
- Звери в яме
- Лиса и тетерев
- Лиса и дятел
- Лиса и журавль
- Снегурушка и лиса
- Лиса и рак
- Кот, петух и лиса
- Кот и лиса
- Напуганные медведь и волки
- Медведь, лиса, слепень и мужик
- Волк
- Свинья и волк Волк и коза

- Волк-дурень
- Медведь
- Медведь, собака и кошка
- Коза
- Сказка о козе лупленной
- Сказка про одного однобокого барана
- Зимовье зверей
- Медведь и петух
- Собака и дятел
- Кочет и курица
- Журавль и цапля
- Ворона и рак
- Орёл и ворона
- Терем мухи
- Мизгирь

Приложение 4. Список эстонских сказок о животных

- Лесной Отец и Лесная Мать
- Комар и лошадь
- Свадебный пляс лягушки
- Муравей и паук
- Почему ёж фыркает
- Соловей и медянка
- Как ёж и заяц наперегонки бегали
- Как ёж жука жарил
- Курица и таракан
- Хитрая лягушка и тщеславная цапля
- Мышь, рак и жук
- Женидьба ворона
- Ворон сватается к синице
- Ленивый сыч
- Воробей готовит квас
- Мышь и воробей
- Почему у индюка красная голова
- Как совы учились петь
- Ворона и лисица
- Почему ворон не улетает на зиму
- Волк и лиса на свадьбе
- Новые глаза лисы
- Лиса и волк

- Лисьи деньги
- Лиса, волк и медведь
- Лиса с трубкой
- Лис, волк и лошадь
- Кающиеся грешники
- Зимние квартиры волка и зайца
- Волк и лось
- Волк и Карья-Эку
- Волк и тетерев
- Ох-ох, ох-ох, бараний рог
- Волчья пища
- Почему медведь боится человека
- Медведь и овца
- Благодарные звери
- Заяц нарушает запрет
- Почему у зайца губа разорвана
- Почему заяц не боится холода
- Почему лошадь всегда ест
- Три собаки пастуха
- Помещичья лошадь и крестьянская
- Почему собаки не любят козуль
- Кошка, собака и мышь

Приложение 5. Анкета

Пол: М / Ж

Возраст:

Родной язык: русский / эстонский /.....

Уважаемый участник опроса!

Меня зовут Анна Тягунова. Я являюсь магистранткой Нарвского колледжа Тартуского Университета. Целью данного исследования является выявление и сопоставление антропоморфических признаков персонажей сказок в эстонских и русских народных сказках о животных. Опрос является анонимным. Все полученные данные будут использованы только в целях исследования. Благодарю за участие в опросе.

С уважением,
Анна Тягунова

1. Каких героев-животных из русских и эстонских народных сказок о животных Вы знаете?

Русские.....

.....

Эстонские.....

.....

Какие герои-животные, по вашему мнению, чаще всего встречаются в народных сказках о животных?

В русских.....

В эстонских.....

Перечислите:

положительных героев русских сказок о животных.....

отрицательных героев русских сказок о животных.....

положительных героев эстонских сказок о животных.....

отрицательных героев эстонских сказок о животных.....

2. Назовите, какие человеческие качества приобретают волк, лиса, медведь, заяц, петух и собака в русских и эстонских народных сказках о животных?

Русская сказка.....

.....

.....

.....

.....

Эстонская сказка.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

3. Знаете ли Вы устойчивые выражения (фразеологизмы, пословицы, поговорки), в которых упоминаются животные? Например, «*голодный как волк*».

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Приложение 6. Результаты анкетирования. Русские сказки о животных

 - персонажи, обозначенные в анкете

 - популярные персонажи (кол-во отв. свыше 20)

Таблица 1.

	Популярные герои - животные (кол-во людей)	Частотность появлений (кол-во ответов)	Положительные герои (кол-во ответов)	Отрицательные герои (кол-во ответов)	Характеристики персонажа
Бегемот				1	
Белка	5 чел.		4		
Волк	65 чел.	55	2	57	<i>злой, быстрый, сильный, страшный, зубастый, злость, голодный, хороший, глупый, добрый, сильный, смелый, грубый, наивный, умный.</i>
Воробей	3 чел.				
Ворона	22 чел.	3	3	3	
Гусь	1 чел.				
Ёж	15 чел.	3	11		

Журавль	7 чел.		1		
Заяц	61 чел.	44	58	1	<i>трусливый, хороший, добрый, прыгучий, трусливость, быстрый, веселый, пушистый, прыгучий, быстрый, дружелюбный, доверчивый, смелый.</i>
Змея	1 чел.			1	
Кабан	1 чел.				
Коза (козел)	1 чел.	1	1		
Козлята	1 чел.	1			
Корова			1		
Кот (кошка)	14 чел.	9	10	2	
Крокодил				1	
Крыса				1	
Курица	2		1	1	
Лев	2 чел.	1			
Лебедь	3 чел.	1			
Лиса	79 чел	66	3	60	<i>хитрая, добрая, умная, обманщица, коварный обман, коварная, плутовка, злая, обманывает, хвастается, льстит, врет,</i>
Лось	1 чел.				

Лошадь	1 чел.	1			
Лягушка	12 чел.	5	4		
Медведь	61 чел.	51	30	15	<i>добрый, неуклюжий (неуклюжий), злой, косолапый, большой, бурый, глупый, ленивый, жадный, добрый, толстенький, справедливый.</i>
Муха	2 чел.				
Мышь	22 чел.	2	10	2	
Олень		1	1		
Пес	1 чел.				
Петух	29 чел.	11	25	2	<i>храбрый, благородный, красивый, умный, добрый, смелый, гордый, шумный, певец, настойчивый, громкий, сильный, выгнал лису</i>
Поросята	1 чел.				
Рак	2 чел.				
Рыба	1 чел.	1			
Свинья		1			
Снегирь	1 чел.				
Собака	18 чел.	7	13	1	<i>храбрая, добрая, смелая, веселая, умная, громкая, злая, маленькая, верная, хорошая, трусливая, копает как человек, отзывчивая, быстрая,</i>
Сова	2 чел.				
Сорока	2 чел.	2		1	

Тетерев	2 чел.				
Тигр	1 чел.	1			
Хорек				1	
Щука	3 чел.	1			

Источник: данные получены по результатам опроса учеников города Нарва

Приложение 7. Результаты анкетирования. Эстонские сказки о животных

Таблица 2.

	Популярные герои - животные (кол-во людей)	Частотность появлений (кол-во ответов)	Положительные герои (кол-во ответов)	Отрицательные герои (кол-во ответов)	Характеристики персонажа
Волк	11 чел.	7	2	7	<i>быстрый, злой, ворует,</i>
Воробей	27 чел.	2	6	1	
Ворона	1 чел.	1		1	
Ёж	2 чел.				
Журавль	1 чел.				
Зяец	5 чел.	12	7		<i>трусливый, плачет, боится</i>
Корова			1		
Комар	30 чел.	1	1	8	
Конь	32 чел.	3	8	1	
Кошка	5 чел.	1	3	1	
Крот	1 чел.				
Крыса	1 чел.				
Курица	2 чел.			1	
Ласточка	3 чел.	1	1		

Лиса	14 чел.	12	3	11	<i>хитрая</i>
Лягушка	2 чел.			2	
Медведь	19 чел.	6	5	8	<i>неуклюж, эгоист, злой, ленивый, мудрый, хитрый, жадный, косолапый</i>
Муха	1 чел.				
Мышь	23 чел.	9	10	1	
Петух	1 чел.	1		1	<i>благородный, гордый</i>
Овца			1		
Слон				1	
Свинья			1		
Собака	5 чел.	3	2		<i>храбрая, хорошая</i>

Источник: данные получены по результатам опроса учеников города Нарва